

ТРИ СЕСТРЫ. ОДНА ТАЙНА.

СТЕНА

КНИГА I

ДАРЬЯ ВОЛК

18+

Дарья Волк

Стена

<https://litres.ru/74132369>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятьсот лет мир живёт благодаря Северной Стене.

Каждый ребёнок знает, что по ту сторону живут чудовища.

Каждая ведьма клянётся защищать эту границу.

И никто не задаётся вопросом, почему Стена с каждым годом становится слабее.

Астра привыкла искать ответы в книгах.

Лилит — в картах и знаках судьбы.

Мара — в снах, которые никогда не должны были стать реальностью.

Но когда древняя магия начинает пробуждаться, а Северная Стена покрывается первыми трещинами, сёстры понимают: всё, во что они верили, было лишь частью чужой истории.

Теперь им предстоит узнать, кто на самом деле скрывается за Стеной.

И что страшнее любых чудовищ может оказаться человек, которому ты доверил своё сердце.

Иногда мир рушится не тогда, когда приходит враг.

А тогда, когда открывается правда.

Первая книга цикла «Тени и нити» — атмосферное романтическое фэнтези о трёх сёстрах, древней магии, запретных чувствах, предательстве и мире, где правда способна разрушить всё, во что люди верили пятьсот лет.

Содержание

Глава 1	5
POV: Мара	5
Глава 2	46
POV: автор	46
Глава 3	70
POV: Мара	70
Глава 4	93
POV: Мара	93
Глава 5	118
POV: Мара	118
Глава 6	138
POV: Лилит	138
Глава 7	168
POV: Лилит	168
Глава 8	200
POV: Астрада	200
Конец ознакомительного фрагмента.	225

Дарья Волк

Стена

Глава 1

POV: Мара

Дождь лил с самого утра.

Я сидела на широком подоконнике своей спальни, подтянув колени к груди, и наблюдала, как крупные капли медленно ползут по стеклу, оставляя за собой извилистые дорожки. Иногда они соединялись, расходились вновь, и на миг мне казалось, будто по стеклу тянутся тонкие серебристые нити.

Стоило моргнуть — они снова становились водой.

В комнате пахло воском, старыми книгами и лавандой.

Последняя встречалась буквально повсюду. Несколько дней назад Астра развесила пучки под потолком, разложила их на подоконниках и даже умудрилась засунуть пару веточек между страницами кулинарной книги.

По её словам, лаванда успокаивала нервы и очищала пространство от негативной энергии.

Лично я подозревала, что так она пыталась компенсировать хаос, который ежедневно производила Лилит.

Обычно дом жил своей жизнью.

Где-то скрипели половицы. В трубах что-то недовольно ворчало. На чердаке спорили призраки — уже третий месяц они не могли решить, кому принадлежит старое кресло-качалка. Иногда хлопала дверь в библиотеку, хотя сквозняков в доме не было уже лет двадцать. В стенах тихо потрескивало старое дерево, а камин в гостиной порой загорался сам, если кто-то слишком долго молчал не тем молчанием.

Но сегодня всё затихло.

Тишина нависла над домом, как плотное шерстяное одеяло, под которым становилось трудно дышать.

Я провела пальцем по запотевшему стеклу и нахмурилась. Оно было холодным, почти ледяным, и от прикосновения по коже побежали мелкие мурашки.

Возможно, дело было в погоде.

А возможно — нет.

С самого утра меня не покидала странная тревога. Она устроилась где-то под рёбрами и медленно царапала изнутри, не позволяя расслабиться ни на минуту. Иногда становилось легче, но стоило мне забыть себя хоть на секунду, внутри снова натягивалась невидимая струна.

Тихо.

Болезненно.

Так, будто кто-то тянул её с другой стороны.

Я пыталась отвлечься.

Безуспешно.

Сначала взялась за книгу. Потом вышла в сад собрать лунный жасмин для настойки. Земля под ногами была мокрой и тяжёлой, пахла корнями, прелыми листьями и дождём, который, казалось, просочился уже даже в камни. Я даже помогла миссис Вейли подобрать смесь от бессонницы, хотя обычно старалась избегать долгих разговоров с соседями. Она долго жаловалась на суставы, погоду и племянника, который «опять связался с девушкой без нормального рода», а я кивала в нужных местах и думала только о том, что у меня почему-то звенит в ушах.

Ничего не помогло.

Ощущение опасности никуда не исчезло.

Наоборот.

С каждым часом становилось сильнее.

Словно что-то приближалось.

Медленно.

Неотвратимо.

И хуже всего было то, что я не могла понять — что именно.

В последнее время такое случалось всё чаще.

Иногда мне снились странные сны.

Серебристые нити, уходящие в темноту.

Женщина в чёрной вуали.

Горящий храм.

Тени, скользящие между колоннами.

Камень, расколотый тонкой сияющей трещиной.

И чей-то голос, произносящий слова, которые я не успевала запомнить.

Каждый раз я просыпалась резко, словно меня выдёргивали из воды на поверхность. Сердце колотилось так сильно, что ещё несколько минут после пробуждения я слышала его удары в ушах. Простыня липла к коже, воздух казался слишком густым, а пальцы неприятно покалывало, будто я держала в руках что-то горячее и не могла разжать ладони.

Но стоило открыть глаза — воспоминания рассыпались.

Будто кто-то намеренно стирал их из памяти.

Тётя говорила, что это последствия стресса.

Лилит уверяла, что мне нужно перестать читать мрачные книги перед сном.

Астра считала, что мне необходимо найти нормальное хобби и перестать превращать собственную жизнь в готический роман.

Если бы они знали, насколько бесполезны были их советы.
— Спаси меня!

Голос Лилит ворвался в комнату раньше неё самой.

Дверь распахнулась.

Сестра влетела внутрь с такой скоростью, словно за ней гналась сама Немезида с подписанным приговором в руках. Вместе с ней в комнату ворвался запах ванили, шалфейного дыма и её духов — тёплых, пряных, слишком ярких для такого серого утра. На запястьях звякнули браслеты. Где-то в волосах блеснула маленькая заколка в форме солнца.

Не сбавляя темпа, она пересекла комнату, запрыгнула на кровать и с головой нырнула под моё одеяло.

Я медленно закрыла книгу.

Посмотрела на подозрительно шевелящийся холм посреди постели.

Потом перевела взгляд на потолок.

Иногда я искренне задавалась вопросом, как мы вообще выросли в одной семье.

— Что ты натворила? — спокойно спросила я.

Из-под одеяла донеслось возмущённое сопение.

— Мне нравится, что ты даже не рассматриваешь вариант, в котором я невинная жертва обстоятельств.

— Потому что нормальные люди не врываются в чужую спальню с таким выражением лица.

Лилит высунулась наружу.

Тёмные волосы растрепались ещё сильнее обычного, карие глаза лихорадочно блестели, а на щеке красовалось подозрительное фиолетовое пятно. На одном ухе висела серьга с бирюзовым камнем, на другом — маленькая серебряная луна. Судя по всему, утро у неё началось не с выбора украшений, а с попытки выжить.

Она театрально прижала ладонь к груди.

— Может, я пришла провести время с любимой сестрой, потому что дождь, семейное тепло и эмоциональная близость показались мне прекрасным планом на день?

Я молча подняла бровь.

Одну.

Этого оказалось достаточно.

— У тебя фиолетовое пятно на щеке.

Лилит мгновенно застыла.

Затем торопливо потёрла лицо ладонью.

— Проклятье.

— И ещё одно на рукаве.

Она опустила взгляд.

На песочного цвета свитере действительно расплылось второе пятно. Судя по оттенку — либо чернильная ягода, либо очередной алхимический эксперимент, который начинался с фразы «это будет гениально» и заканчивался криком Астры.

— Предлагаю не концентрироваться на деталях, — серьёзно сказала она.

— Предлагаю начать писать завещание.

— Думаешь, всё настолько плохо?

Словно в ответ на её вопрос, из коридора донёсся голос Астры.

— Лилит.

Мы обе замерли.

Лилит медленно повернулась ко мне.

Очень медленно.

С таким выражением лица обычно смотрят на приближающийся конец света.

— Это было моё полное имя.

— Она произнесла его без уменьшительных форм, без угроз и без предварительного вдоха, — подтвердила я. — Ситуация действительно серьёзная.

— Она назвала меня полным именем.

— Я слышала.

— Мне конец.

— С высокой вероятностью.

Лилит закрыла глаза.

— Ты ужасная сестра.

— Зато честная. В наше время это редкость.

Она тяжело вздохнула и снова рухнула лицом в подушку.

— Если меня сегодня убьют, я буду приходить к тебе призраком.

— Наш дом уже полон призраков.

— Тогда я буду самым раздражающим призраком: стану стучать цепями, шептать драматичные предсказания и прятать твои чёрные платья.

— Ничего не изменится.

— Вот сейчас было обидно.

Уголок моих губ всё-таки дрогнул.

Совсем чуть-чуть.

Лилит тут же ткнула в меня пальцем.

— Видела! Ты улыбнулась!

— Тебе показалось.

— Нет, не показалось. Я заслуживаю признания своих достижений.

— Каких именно?

— Я смогла рассмешить Мару Торн в дождливый день, когда она сидела у окна с лицом трагической героини, которой только что сообщили, что её жениха съели волки.

— Это не достижение. Это статистическая погрешность.

— Боги, какая же ты душная.

— Это наследственное.

Из коридора послышались шаги.

Уверенные.

Размеренные.

Спокойные.

Мы обе мгновенно замолчали.

Астра никогда не носилась по дому, как некоторые личности.

Она двигалась так, будто время подстраивалось под неё. Будто весь мир заранее понимал, что спорить бесполезно. Даже старые половицы под её шагами скрипели тише, почти уважительно, хотя под Лилит обычно стонали так, словно просили юридической защиты.

— Может, её нет дома? — с надеждой предположила Лилит.

Я посмотрела на неё поверх книги.

— Ты прячешься в её доме.

— Не разрушай мои последние иллюзии. Их и так осталось меньше, чем целых чашек после моего утра.

Шаги остановились прямо за дверью.

Лилит застыла.

Я почти видела, как в её голове рождаются десятки планов побега и тут же погибают один за другим.

Дверная ручка медленно опустилась.

— Богини, — прошептала она. — Передай маме, что я её люблю.

Что-то болезненно кольнуло под рёбрами.

Всего на секунду.

Но этого хватило.

В комнате вдруг стало прохладнее, хотя окно было закрыто. Запах лаванды сделался резче, почти горьким. Я почувствовала, как пальцы сами сжались на корешке книги.

— Она умерла двенадцать лет назад, — тихо напомнила я.

Лилит на мгновение перестала играть.

Совсем короткое мгновение.

Её взгляд смягчился, будто она тоже почувствовала, как в воздухе между нами прошла невидимая трещина. Потом она снова натянула на лицо свою обычную драматичность — ту самую, за которой пряталась лучше любых защитных рун.

— Тогда передай лично, когда увидишься с ней.

— Очень оптимистичный настрой.

Дверь распахнулась.

На пороге появилась Астра.

Как всегда безупречная.

Собранная.

Опасно спокойная.

Тёмные волосы были убраны в низкий узел, ни одна прядь не выбивалась у лица, а зелёные глаза смотрели так внимательно, что у менее подготовленного человека уже начались бы признания во всех преступлениях, включая те, которых он не совершал. На ней были тёмные брюки, белая рубашка с закатанными рукавами и тонкие золотые часы, которые она постоянно проверяла, когда нервничала, хотя никогда в этом не признавалась.

В одной руке она держала свой любимый молочный кашемировый свитер, в другой — чашку, к которой, кажется, успела прикипеть душой за последние несколько лет.

Вернее, то, что ещё час назад было её любимым кашемировым свитером.

Теперь левый рукав украшало огромное фиолетовое пятно. Оно подозрительно дымилось и время от времени вспыхивало серебристыми искрами, словно внутри ткани кто-то пытался запустить маленькую грозу.

Несколько секунд Астра молча изучала Лилит.

Лилит с не меньшим интересом разглядывала испорченный свитер.

Я благоразумно решила не вмешиваться.

Инстинкт самосохранения всё ещё работал исправно.

— Объясни, — наконец произнесла Астра.

Голос звучал ровно.

Слишком ровно.

Лилит осторожно выпрямилась на кровати и натянула

одеяло почти до самого носа.

— Мне кажется, прежде чем мы перейдём к обвинительной части, было бы справедливо признать, что я тоже пострадала.

Астра медленно опустила взгляд на фиолетовое пятно на её щеке.

— От собственного решения?

— От обстоятельств.

— Лилит.

— Хорошо, хорошо.

Она подняла руки в знак капитуляции и виновато улыбнулась.

Получилось настолько очаровательно, что с незнакомыми людьми это наверняка работало.

С нами — уже нет.

— В свою защиту хочу сказать, что луна была полной, а меня оставили без присмотра.

Я тихо фыркнула.

Астра прикрыла глаза.

Так она делала всегда, когда мысленно выбирала между дипломатией и убийством.

— Луна была полной три дня назад.

— Энергетический след мог сохраниться.

— На моём свитере?

— Магия вообще вещь непредсказуемая.

— Только когда к ней прикасаешься ты.

Повисла тишина.

Продержалась она примерно две секунды.

— Но технически я почти приготовила мазь для миссис Пипери.

Один уголок глаза Астры едва заметно дёрнулся.

Совсем чуть-чуть.

Но я заметила.

Астра всегда сначала считала до трёх. Потом до десяти. Потом, если рядом была Лилит, начинала мысленно составлять список последствий, ущерба и возможных способов утилизации средней сестры без нарушения семейного законодательства.

— Технически ты уничтожила мой свитер.

— Зато теперь он уникальный.

— Он испорчен.

— Это вопрос восприятия.

Я прикусила губу, пытаясь сохранить серьёзное выражение лица.

Иногда мне казалось, что Лилит способна довести до нервного срыва даже святую. А потом уговорить её выпить вина и обсудить произошедшее.

Астра вновь подняла веки.

И вот теперь стало по-настоящему опасно.

— Что ты добавила в котёл?

Лилит моргнула.

— Корень.

— Какой?

— Сложный вопрос.

— Лилит.

— Ну не знаю я! — возмутилась она, всплеснув руками.

— Он был чёрный.

Астра смотрела на неё так, будто пыталась поверить в лучшее, но факты в очередной раз были против Лилит.

— Половина ингредиентов в нашей кладовой чёрные.

— Вот именно! Как тут не запутаться?

Я всё-таки рассмеялась.

Тихо.

Коротко.

Но удержаться уже не смогла.

Смех отозвался где-то в груди непривычным теплом. На несколько секунд тревога отступила, словно Лилит своим хаосом действительно могла распугать даже дурные предчувствия.

Астра сразу перевела взгляд на меня.

— Не смей её защищать.

— Я даже не пыталась.

— Ты смеёшься.

— Потому что это смешно.

— Тебе смешно до тех пор, пока она не уничтожила что-нибудь твоё.

Перед глазами тут же всплыл несчастный эксперимент с огненными свечами, после которого половина моего гарде-

роба приобрела художественные отверстия.

— Она уже уничтожала.

— И?

Я пожала плечами.

— Теперь это её проблема.

— Предательница, — потрясённо выдохнула Лилит, прижав ладонь к сердцу.

— Реалистка.

— Никакой поддержки от семьи.

— Поддержка закончилась после третьего взрыва.

— Это была случайность.

— Ты сказала то же самое после второго.

— Потому что это правда. Я последовательна в своих заблуждениях.

В этот момент снизу донёсся глухой хлопок.

Мы одновременно замолчали.

Потом ещё один.

Тише.

Глухой.

Будто кто-то захлопнул тяжёлую книгу этажом ниже.

А следом по дому медленно пополз сладковатый запах бузины.

Улыбка исчезла с лица Лилит.

Она медленно закрыла глаза.

— Только не говори...

— Лилит, — очень спокойно произнесла Астра.

Слишком спокойно.

— Я чувствую, сейчас начнётся разговор, в котором мне понадобится адвокат.

— Что происходит на моей кухне?

Лилит осторожно прикусила губу.

Я заметила, как её взгляд метнулся к двери.

Потом к окну.

Потом снова к двери.

Словно она просчитывала шансы сбежать через второй этаж.

— Смотря насколько честный ответ тебе нужен.

Я уже поднялась с подоконника.

Потому что знала этот тон.

Если Лилит начинала отвечать подобным образом, значит, катастрофа была гораздо масштабнее, чем хотелось бы верить.

Я первой вышла из комнаты.

Если честно, меня в этот момент волновал вовсе не свитер Астры.

И даже не очередной алхимический апокалипсис.

За годы совместной жизни мы привыкли к разрушительной силе экспериментов Лилит.

Меня беспокоил запах.

С каждым шагом он становился сильнее.

Сладкий.

Приторный.

С лёгкой горечью на самом краю.

И до странности знакомый.

Что-то внутри неприятно шевельнулось.

То самое чувство, которое преследовало меня весь день.

Словно невидимые пальцы снова коснулись рёбер изнутри.

Мы начали спускаться по широкой дубовой лестнице.

Старинные перила были отполированы руками нескольких поколений ведьм. Под ладонью дерево казалось тёплым, почти живым. Вдоль стен мерцали стеклянные светильники, внутри которых лениво кружились золотистые искры, похожие на пойманных светлячков. На портретах женщины нашего рода смотрели куда-то поверх наших голов с выражением, которое легко можно было принять за осуждение.

Дом недовольно скрипнул где-то наверху.

— Не смотри на меня так, — немедленно возмутилась Лилит, ткнув пальцем в потолок. — Я уже всё убрала.

Пол под её ногами выразительно застонал.

— Предатель, — пробормотала она.

Я невольно улыбнулась.

Наш дом обожал ябедничать.

Особенно когда дело касалось Лилит.

Запах становился всё сильнее.

Теперь к бузине примешивалось что-то ещё.

Что-то металлическое.

Незнакомое.

Тревожное.

Я замедлила шаг.

На секунду воздух вокруг стал плотнее. Будто перед грозой. Или перед пожаром. Под языком появился слабый привкус меди, и я невольно сглотнула, пытаясь избавиться от него.

Не получилось.

— Мара? — тихо спросила Астра позади.

Она заметила.

Конечно, заметила.

Астра вообще замечала всё: сбившееся дыхание, слишком быстрый ответ, дрожь пальцев, неправильно закрытую банку с травами и катастрофу за три секунды до того, как она успевала случиться.

— Запах странный, — сказала я, не оборачиваясь.

Это была правда.

Не вся.

Но правда.

Мы свернули в коридор и остановились перед кухней.

Из-под двери просачивался тонкий фиолетовый дымок. Он медленно стелился по полу, словно искал путь наружу, касался носков моих ботинок и тут же отступал, оставляя на коже странное прохладное покалывание.

Астра выдохнула через нос так неторопливо, будто давала себе последние несколько секунд перед неизбежным.

— Последний шанс признаться.

— Я же сказала, что почти всё исправила.

— Слово «почти» меня сейчас особенно настораживает.

— Зря. Очень хорошее слово. Гибкое. Даёт надежду.

— Лилит.

— Я чувствую, надежды в этой семье сегодня не ценят.

Астра толкнула дверь.

На несколько секунд в кухне воцарилась абсолютная тишина.

Потом я услышала, как Астра выругалась себе под нос.

Для любого другого человека это прошло бы незаметно.

Но мы с Лилит знали её слишком хорошо.

Это был плохой знак.

Очень плохой.

Я заглянула внутрь.

И замерла.

— Ох.

Это было всё, что я смогла сказать.

Кухня выглядела так, будто здесь произошло локальное магическое восстание.

Над огромным медным котлом клубился фиолетовый дым. Один из шкафчиков висел на единственной петле, отчаянно пытаюсь сохранить достоинство. По каменному полу медленно растекалась серебристая субстанция, подозрительно похожая на живую.

Она шевелилась.

Совсем немного.

Но недостаточно, чтобы мне это не понравилось.

Связки трав под потолком почернели. Банка с сушёной лавандой лопнула, и её осколки блестели на полу, как мелкие льдинки. Воздух был горячим и влажным, пах гарью, бузиной, расплавленным воском и чем-то металлическим, от чего у меня снова заболело под рёбрами.

А мой любимый кустик лунного жасмина на подоконнике светился мягким серебристым светом.

Я почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось.

Лунный жасмин не должен светиться.

Никогда.

— Лилит... — медленно произнесла я.

— По интонации понимаю, что сейчас меня обвинят ещё в чём-то, — осторожно отозвалась сестра.

— Почему жасмин светится?

Она посмотрела на окно.

Потом на цветок.

Потом снова на меня.

— О.

— Очень информативно.

— Честно говоря, раньше он не светился.

— Это должно меня успокоить?

Лилит задумалась.

— Немного?

Я закрыла лицо ладонью.

Где-то за окном прогремел гром.

А внутри тревога вдруг натянулась ещё сильнее.

Словно кто-то невидимый сделал первый шаг в нашу сторону.

Астра тем временем подошла к столу и подняла обгоревший лист бумаги. Некоторое время она молча изучала его, водя взглядом по почерневшим краям. От листа всё ещё пахло гарью и чем-то подозрительно сладким.

Я уже знала этот взгляд.

Так Астра смотрела на древние свитки, сложные заклинания и налоговые документы.

То есть ничего хорошего это не предвещало.

— Что именно ты пыталась приготовить? — наконец спросила она, поднимая глаза на Лилит.

Лилит сидела на краю стола и болтала ногой так невозмутимо, словно кухня не выглядела местом преступления.

— Мазь от отёков для миссис Пипери.

Астра медленно перевела взгляд на покосившийся шкаф.

Потом на котёл.

Потом на прожжённую столешницу.

— Каким образом мазь от отёков взорвала половину кухни?

Лилит проследила за её взглядом.

Задумалась.

Причём по-настоящему.

— Видимо, миссис Пипери очень сильно отекала.

Я фыркнула раньше, чем успела сдержаться.

Смешок вырвался сам собой.

Астра тут же посмотрела на меня.

Ничего не сказала.

Но этот взгляд явно относился к категории: «Мара, не смей её поддерживать».

— Не поощряй её.

— Я стараюсь.

— Плохо стараешься.

Лилит тут же просияла, будто получила официальный сертификат одобрения.

— Между прочим, я почти закончила.

— Ты чуть не устроила пожар.

— Но ведь ключевое слово здесь «чуть». Мне кажется, оно несправедливо недооценено.

Словно услышав своё имя, котёл громко хлопнул.

Фиолетовое облако над ним вздулось и выплюнуло сноп серебристых искр прямо в потолок.

Мы все трое одновременно отшатнулись.

Даже Астра.

Что само по себе уже было тревожным знаком.

— Чуть? — переспросила она, медленно поворачиваясь к сестре.

— Хорошо, возможно, немного устроила.

Дом недовольно загудел.

Где-то наверху скрипнули балки.

Шторы сами собой задёрнулись.

А одна из банок на полке опасно качнулась, словно решила лично выразить своё мнение по этому вопросу.

— Даже дом на моей стороне, — заметила Астра, скрепящая руки на груди.

Лилит возмущённо уставилась на потолок.

— У него предвзятое отношение ко мне.

Пол под её ногами жалобно застонал.

— Вот видите? — она ткнула пальцем вниз. — Он специально.

Наш дом действительно недолюбливал эксперименты Лилит.

Что, честно говоря, было вполне разумно.

— Потому что ты постоянно что-нибудь взрываешь, — невозмутимо ответила Астра.

— Это называется творческий подход.

— Это называется угроза общественной безопасности.

— Всё великое сначала называли угрозой общественной безопасности.

— Лилит.

— Согласись, звучало красиво.

Пока они спорили, я подошла ближе к котлу.

С каждым шагом странное напряжение внутри становилось отчётливее. Оно преследовало меня весь день, но сейчас словно вышло из тени и наконец потребовало обратить на себя внимание.

Фиолетовый пар медленно поднимался вверх, закручи-

вался спиралями и растворялся под потолком. Влажное тепло коснулось лица, осело на ресницах, пробралось под воротник тонким неприятным холодком.

Именно тогда среди этих клубов что-то мелькнуло.

Тонкое.

Серебристое.

Настолько отчётливое, что на одно короткое мгновение мне показалось, будто кто-то натянул между двумя невидимыми точками сияющую нить.

Я замерла.

Мир вокруг словно отодвинулся чуть дальше.

Голоса сестёр стали глуше.

Исчез даже треск дров в печи.

Осталась только эта странная серебристая линия, скользкая сквозь дым так естественно, словно всегда была его частью.

Она дрожала.

Почти неслышно.

Но я почему-то была уверена, что если протяну руку, то почувствую её натяжение под пальцами.

А потом она исчезла.

Я несколько раз моргнула.

Ничего.

Только котёл.

Только разгромленная кухня.

Только приторный запах бузины, который вдруг показал-

ся слишком тяжёлым.

Наверное, именно поэтому голос Астры заставил меня вздрогнуть сильнее, чем следовало.

— Мара?

Я резко подняла голову и встретилась с её внимательным взглядом.

Слишком внимательным.

Иногда мне казалось, что Астра замечает вещи раньше, чем они происходят.

— Ты чего застыла?

— Я просто пытаюсь понять, как мазь от отёков дошла до состояния разумной жизни.

Ответ прозвучал почти мгновенно.

Почти естественно.

Я даже могла бы собой гордиться, если бы в этот момент не чувствовала, как под кожей всё ещё дрожит холод.

Астра не поверила.

Я видела это по тому, как она чуть прищурилась. По тому, как её пальцы сжались на обгоревшем листе. Но она ничего не сказала.

Пока.

— Значит так, — произнесла Астра тем особым голосом, от которого у большинства людей возникало непреодолимое желание срочно исправить все ошибки своей жизни.

Лилит тут же насторожилась.

Я буквально увидела момент, когда её мозг распознал

опасность. Она медленно выпрямилась, прищурилась и ткнула пальцем в сторону старшей сестры.

— Мне не нравится этот тон. В нём слишком много порядка и слишком мало уважения к моей творческой свободе.

— Тебе сейчас многое не понравится, — спокойно ответила Астра, переступая через серебристую лужицу на полу.

— Ты всё здесь уберёшь.

Лилит моргнула.

Потом ещё раз.

Словно надеялась, что ослышалась.

— Ты произнесла это так, будто речь идёт не о кухне, а о приговоре.

— Всё.

— Ас...

Астра медленно повернула голову.

Чуть приподнятая бровь.

Тяжёлый взгляд.

Пауза на полсекунды длиннее обычной.

Лилит сглотнула.

— Приняла к сведению, что сокращение имени сейчас неуместно.

— Очень рада, что у тебя ещё сохранился инстинкт самосохранения.

— Но я ненавижу уборку.

Астра остановилась возле покосившегося шкафа и провела рукой по дверце. Та жалобно скрикнула и окончательно

повисла на одной петле.

— А я ненавижу, когда моя кухня пытается обрести разум.

— Она не пытается.

В этот момент серебристая жижа на полу издала подозрительное бульканье.

Громкое.

Осуждающее.

Мы все одновременно посмотрели вниз.

Жижа снова булькнула и выпустила пузырь.

Пузырь лопнул.

Лилит тяжело вздохнула.

— Ладно, возможно, немного пытается.

Я прыснула со смеху и отвернулась к окну, делая вид, что рассматриваю дождь.

Не помогло.

Смех всё равно прорвался.

Астра даже не посмотрела в мою сторону.

Она уже давно поняла, что в вопросах, касающихся Лилит, я совершенно бесполезна.

— До тех пор пока здесь не станет чисто, ты отсюда не выйдешь.

Лилит возмущённо ахнула.

Так, словно её только что лишили всех гражданских прав.

— Это незаконно.

— Я старшая сестра.

— Это не даёт тебе таких полномочий.

— Даёт.

— Уверенность, с которой ты присваиваешь себе власть, пугает даже меня.

— Убирай.

Я даже не вмешивалась.

Потому что наблюдать за этим было примерно так же увлекательно, как смотреть очередной сезон любимого сериала, где заранее знаешь победителя, но всё равно надеешься на неожиданный сюжетный поворот.

Лилит резко повернулась ко мне.

— Скажи ей что-нибудь разумное.

— Она права.

— Предательница.

— Уже сегодня слышала.

— Но я вложила в это слово больше чувств.

— Я оценила.

Лилит трагично прижала ладонь к груди и покачала головой.

— Иногда мне кажется, что меня здесь совсем не любят.

— Иногда? — уточнила Астри.

— Вот сейчас было особенно обидно.

Старшая сестра наконец скрестила руки на груди и подняла взгляд куда-то вверх.

— Дом.

На несколько секунд повисла тишина.

Потом где-то в глубине особняка раздался протяжный

скрип.

Следом хлопнула дверь на втором этаже.

А затем кухня тихо загудела.

Дом слушал.

И, что гораздо хуже для Лилит, явно собирался сотрудничать.

— Не выпускай Лилит, пока она не наведёт порядок.

Секунда.

Другая.

Ничего не происходило.

Лилит уже начала самодовольно улыбаться.

А потом дверь за нашими спинами с громким щелчком захлопнулась сама собой.

Замок повернулся.

Очень выразительно.

Улыбка медленно сползла с лица сестры.

— Вы серьёзно?

Из вентиляционной решётки тут же донеслось знакомое хихиканье.

Похоже, призраки на чердаке только что получили лучшее развлечение за неделю.

Дом был абсолютно серьёзен.

— Девочки! — возмущённо воскликнула Лилит, бросаясь к двери. — Мы же семья!

Она подёргала ручку.

Потом ещё раз.

Потом ещё.

Безрезультатно.

— Именно поэтому мы до сих пор не выставили тебя на улицу, — заметила я, наблюдая за её попытками выбраться.

— Это жестоко!

— Это воспитательный момент, — невозмутимо ответила Астра.

— Я буду жаловаться!

— Кому?

Лилит замерла с рукой на дверной ручке.

В её глазах отразился напряжённый мыслительный процесс.

Редкое зрелище.

— Хороший вопрос.

— Удачи с этим, — хмыкнула я, направляясь к выходу.

— Мара!

Я обернулась.

Лилит стояла посреди разгромленной кухни, окружённая дымом, светящимся жасмином и подозрительно живой жижей.

Если бы существовал конкурс на звание самой проблемной ведьмы года, у неё были бы все шансы на победу.

— Я слушаю твою последнюю просьбу.

— Если я здесь умру, назови в честь меня что-нибудь красивое.

Я задумалась.

Демонстративно.

— Например?

— Например, новую метлу.

— Очень трогательно.

— Я серьёзно!

— Убирайся, Лилит.

Она широко развела руками, указывая на запертую дверь.

— В этом-то и проблема! Я не могу отсюда выбраться!

В ответ замок удовлетворённо щёлкнул ещё раз.

Будто специально напоминая, на чьей стороне находится дом.

К тому моменту, когда Лилит всё-таки удалось убедить дом выпустить её из кухни, дождь за окнами только усилился.

Капли барабанили по стёклам так настойчиво, словно решили взять особняк измором. Ветер раскачивал старые яблони в саду, срывал с ветвей тяжёлые листья и швырял их в мокрые дорожки. Небо окончательно превратилось в тяжёлое серое полотно, на котором время от времени вспыхивали тонкие серебристые прожилки молний.

Я устроилась в гостиной возле камина с книгой, которую безуспешно пыталась читать последние полчаса.

Страницы сменяли друг друга.

Слова складывались в предложения.

Только смысл написанного упорно проходил мимо.

Каждый раз, когда я ловила себя на том, что уже в третий

раз перечитываю один и тот же абзац, взгляд снова соскальзывал к окну.

Тревога никуда не делась.

Наоборот.

Она словно пустила корни где-то под рёбрами и теперь медленно разрасталась, занимая всё больше места. Иногда мне казалось, что я слышу её. Тонкий, едва различимый звон на границе слуха. Как если бы где-то далеко натянули струну и забыли отпустить.

Напротив меня в кресле сидела Астри.

Поджав под себя ноги, она листала старую книгу в потёртом кожаном переплёте и время от времени делала пометки в блокноте. Рядом лежал карандаш, несколько засушенных листьев лавра и раскрытый справочник по защитным формулам.

Что, зная Астри, вполне могло быть её версией отдыха.

Рядом с её чашкой лежали старые карманные часы на золотой цепочке. Они принадлежали отцу, потом тётке, а теперь почему-то чаще оказывались у Астры на столе, чем в семейной шкатулке. Она говорила, что просто привыкла к их ходу. Но иногда, когда думала, что никто не смотрит, проводила пальцем по крышке так осторожно, словно проверяла, всё ли ещё можно удержать.

Лилит развалилась на диване вверх ногами.

Одной рукой она листала что-то в телефоне, другой красила ногти тёмно-бордовым лаком, периодически размахи-

вая кисточкой так опасно близко к ковру, что мне становилось тревожно уже по совершенно другой причине. На журнальном столике перед ней лежали карты Таро, несколько колец, маленький мешочек с солью и амулет, который она утром клялась починить, но вместо этого, судя по всему, успела обвинить в плохой энергетике.

— Если ты ещё раз капнешь лаком на ковёр, я тебя выселю, — заметила я, не отрывая взгляда от книги.

— Несправедливое обвинение, — тут же отозвалась Лилит, возмущённо свесив голову через край дивана. Тёмные волосы почти касались пола. — Между прочим, сегодня я уже убрала кухню. Я заслужила уважение, чай и, возможно, небольшую статую в саду.

— После того как превратила её в место преступления.

— Искусство требует жертв.

— В твоём случае чаще всего чужих.

Лилит оскорблённо ахнула и прижала руку к груди.

Лак на ногтях ещё не высох.

Я обречённо прикрыла глаза.

— Только не...

Поздно.

На её свитере остался идеальный бордовый отпечаток ладони.

Несколько секунд мы молча смотрели на пятно.

Потом Лилит посмотрела на нас.

— Это был несчастный случай.

— Как и кухня? — уточнила я.

— Знаешь, иногда мне кажется, что в этой семье никто не уважает мой творческий путь.

— Какому именно этапу творческого пути соответствует уничтожение мебели? — поинтересовалась Астри, даже не поднимая головы от книги.

— Экспериментальному.

— Ясно.

— Между прочим, многие гении были недооценены современниками.

— Многие гении хотя бы читали инструкции.

— Детали, — отмахнулась Лилит.

— Последние слова перед катастрофой, — пробормотала я.

Астри тяжело вздохнула и перевернула страницу своей книги.

— Иногда мне кажется, что я воспитываю не сестёр, а двух особо проблемных подростков.

Я подняла взгляд поверх книги.

— Иногда?

Лилит тут же приподнялась на локтях, отчего её волосы окончательно свесились с дивана на пол.

— Кстати, Ас, а ты знаешь, что забота о младших продлевает жизнь?

Астри неторопливо отпила чай и посмотрела на неё поверх края чашки тем самым взглядом, который обычно озна-

чал: «Я устала, но всё ещё способна убить».

— Тогда я должна стать бессмертной.

Уголок моих губ дрогнул.

Обычный вечер.

Тот самый, который через год вспоминают с болезненной нежностью, потому что тогда ещё никто не знал, что он был последним спокойным вечером в их жизни.

В гостиной потрескивали дрова в камине. От чашки Астры поднимался аромат шалфея и мяты. Лилит пахла лаком, ванилью и дымом от благовоний, которые она всегда зажигала «для атмосферы», даже если атмосфера уже пыталась сбежать. Где-то наверху лениво переругивались призраки, а дождь барабанил по крыше с таким упорством, словно собирался достучаться до кого-то внутри дома.

Всё выглядело привычно.

Правильно.

Именно поэтому тревога казалась ещё более неуместной.

Она никуда не исчезла.

Наоборот.

С каждой минутой это чувство становилось тяжелее, будто невидимая петля медленно затягивалась вокруг груди. Я всё ещё не понимала причины, но инстинкты буквально кричали, что что-то приближается.

Что-то плохое.

Я снова посмотрела на окно.

Капли на стекле дрожали от ветра, стекали вниз тонки-

ми извилистыми линиями и на мгновение складывались в странный узор.

Три линии.

Одна светлее других.

Одна почти прозрачная.

Одна тёмная, как трещина в стекле.

Я резко выдохнула.

Узор исчез.

Просто дождь.

Просто усталость.

Просто моя голова, решившая окончательно превратить жизнь в готический роман, как сказала бы Астра.

За окнами вспыхнула молния.

Настолько яркая, что на одно мгновение весь зал залило холодным белым светом. Он скользнул по старым фотографиям на стенах, по книжным полкам, по бронзовым подсвечникам возле камина и тут же исчез. На семейном портрете у лестницы лицо отца на секунду стало почти живым.

А в следующую секунду дом вздрогнул.

Не сильно.

Совсем слегка.

Но я почувствовала это так отчётливо, словно кто-то коснулся натянутой струны внутри меня.

Книга соскользнула с колен прежде, чем я успела её удержать.

Лилит нахмурилась и медленно опустила телефон.

Даже Астра оторвалась от чтения.

Я заметила, как её пальцы замерли на краю страницы.

— Вы это почувствовали? — спросила я, и собственный голос прозвучал тише обычного.

Ответа не последовало.

Несколько секунд мы просто прислушивались.

К дому.

К дождю.

К чему-то ещё.

Наверху вдруг стихли призраки. Даже огонь в камине начал потрескивать как-то настороженно, словно тоже ждал продолжения. Воздух стал холоднее, и запах лаванды в комнате изменился: сделался резким, сухим, почти лекарственным.

Астра первой нарушила молчание.

— Почувствовала.

Она положила ладонь на раскрытую книгу, прижимая страницу к столу, хотя сквозняка в комнате не было. Её лицо осталось спокойным, но плечи напряглись, а взгляд сразу стал собранным, деловым. Таким она смотрела на разбитые колбы, старые печати и любые проблемы, которые требовали немедленного решения.

Лилит окончательно села на диване и обхватила колени руками.

От её обычной беспечности не осталось и следа.

— Воздух изменился, — сказала она тише обычного. —

Не знаю как объяснить, но он будто... зацепился за что-то.

Мне тоже.

По позвоночнику медленно пополз холодок.

Дом снова дрогнул.

На этот раз заметно сильнее.

А потом входная дверь распахнулась с такой силой, что ударилась о стену, и где-то наверху испуганно взвизгнул один из призраков.

Мы одновременно повернули головы.

В прихожей стояла тётя.

На секунду мне показалось, что это вообще не она.

Тёмный плащ промок насквозь и тяжело облепил плечи.

По волосам стекала вода. Капли падали на деревянный пол и растекались маленькими лужицами вокруг её сапог. От неё пахло дождём, холодным камнем, мокрой землёй и чем-то тревожным, горьким, словно дым от свечи, которую задули слишком резко.

Но хуже всего было лицо.

Обычно спокойное и собранное, сейчас оно казалось почти бескровным. А в глазах застыло нечто такое, от чего внутри мгновенно стало пусто.

Я никогда не видела её настолько напуганной.

Рейна Торн не пугалась вслух.

Она могла ругаться на Лилит за сожжённые занавески, молча перевязывать рану Астре, когда та в двенадцать лет решила, что может сама переписать защитную формулу, и

смотреть на мои ночные кошмары так, будто знала о них больше, чем говорила. Она могла улыбаться соседям, спорить с торговцами на рынке, чинить старые печати у дверей и держать наш дом так крепко, словно одной её воли хватало, чтобы не дать ему рассыпаться.

Но сейчас у неё дрожали руки.

Именно в этот момент я поняла: всё странное и тревожное, что преследовало меня с самого утра, наконец добралось до нашего дома.

— Тётя? — первой поднялась Астра.

Кресло тихо скрипнуло по полу.

Тётя сделала несколько шагов вперёд.

Я заметила, как дрожат её пальцы, пока она пытается растегнуть плащ. Она дважды промахнулась мимо застёжки и раздражённо выдохнула сквозь зубы.

Это было настолько не похоже на неё, что внутри всё окончательно похолодело.

— Где вы были?

— Дома, — ответила Лилит, уже полностью забыв про телефон, лак и собственную драму. — Мы весь вечер были дома. Что случилось?

Тётя посмотрела сначала на Астру.

Потом на меня.

Затем на Лилит.

Словно проверяла.

Словно боялась обнаружить, что кого-то из нас уже нет.

Этот взгляд задержался на мне чуть дольше.

Совсем чуть-чуть.

Но я почувствовала его, как прикосновение холодных пальцев к горлу.

— Магистры созвали экстренное собрание всех кланов.

Слова упали в комнату тяжело, как камень в воду.

Даже огонь в камине будто стал тише.

Астра выпрямилась. Вся её мягкость исчезла так быстро, словно кто-то стянул с неё тёплый плед и оставил только сталь.

— Причина?

Тётя сглотнула.

На мгновение закрыла глаза.

Будто собиралась с силами для того, что должна была сказать дальше.

— Сегодня ночью была совершена атака на Северный барьер.

Лилит побледнела так быстро, что это выглядело почти пугающе.

— Барьер держится почти пятьсот лет. Такие вещи не происходят просто потому, что кто-то решил проверить старые легенды на прочность.

— Я знаю.

— Тогда скажи, что это ошибка.

Тётя посмотрела на неё.

И от этого взгляда у меня похолодели пальцы.

— Это не ошибка.

Что-то тяжёлое медленно опустилось мне в живот.

Такое чувство возникает во сне, когда земля внезапно исчезает из-под ног и ты начинаешь падать.

Астра сделала шаг вперёд.

— Насколько всё серьёзно?

Рейна медленно сняла плащ. Вода с тяжёлой ткани стекала на пол. Дом не издал ни звука, хотя обычно терпеть не мог мокрые следы в прихожей.

Он слушал.

Как и мы.

— Дозорные у северного рубежа не вышли на связь. На защитном слое обнаружили повреждение. Маленькое. Почти незаметное. Но оно есть.

— Брешь? — спросила Астра.

Слово прозвучало тихо.

Слишком тихо для того, что означало.

Тётя не ответила сразу.

И этого хватило.

Лилит медленно поднялась с дивана. На её лице больше не осталось ни шуток, ни театральности. Только широко раскрытые глаза и рука, которой она машинально коснулась подвески у горла.

— Но если барьер повреждён...

Она не договорила.

Никто из нас не хотел слышать продолжение.

Тётя перевела взгляд на меня.

На мгновение мне показалось, что она хочет сказать что-то другое.

Что-то ещё более страшное.

Но вместо этого она просто смотрела.

И от этого взгляда внутри медленно разрасталась пустота.

— Они вернулись, девочки.

Никто не пошевелился.

Даже дождь за окнами словно притих.

— Кто? — спросила я.

Голос вышел ровным.

Почти чужим.

Тётя закрыла глаза всего на секунду.

А когда снова посмотрела на нас, её голос стал почти шёпотом.

— Теневые.

В камине резко треснуло полено.

И в этот звук вдруг вплёлся другой.

Тонкий.

Серебристый.

Почти неслышный.

Как если бы где-то далеко оборвалась нить.

Я не знала почему.

Не знала откуда.

Но в ту секунду была уверена только в одном.

Мои кошмары только что перестали быть снами.

Глава 2

POV: автор

Дом больше не шутил.

После слов Рейны в гостиной повисла тяжёлая, почти осязаемая тишина. Она легла на плечи, забилась в складки одежды, осталась между чашками с остывшим чаем и книгой, которую Мара так и не подняла с пола.

Даже дождь за окнами будто изменился.

Ещё недавно он просто стучал по крыше — привычный, упрямый, почти домашний. Теперь каждый удар капель звучал слишком громко, словно кто-то невидимый считал секунды до неизбежного. Ветер раскачивал старые яблони в саду, и мокрые ветви скребли по стеклу тонко, жалобно, будто пытались предупредить.

Лилит стояла у окна и нервно теребила край кружевной занавески. Её пальцы — обычно быстрые, живые, украшенные кольцами и звоном браслетов — теперь дрожали. Ткань шуршала под ними тихо и беспомощно. Она смотрела в серое небо над Вальтеррой, но Мара сомневалась, что сестра действительно его видит.

Астра стояла возле камина.

Прямая.

Собранная.

Слишком спокойная.

Только по тому, как её большой палец медленно водил по краю золотых часов, можно было понять: внутри у неё тоже что-то дрогнуло. Астра всегда становилась особенно неподвижной, когда мир начинал рушиться. Будто считала, что если сама не сделает ни одного лишнего движения, то удержит от падения всё остальное.

Рейна прошла в гостиную, стряхивая капли дождя с мокрых рукавов. Плащ с тяжёлым влажным звуком опустился на спинку кресла. От него пахло холодным камнем, мокрой землёй и улицей, по которой неслась плохая новость. Движения тёти были резкими, непривычно суетливыми, и от этого становилось страшнее, чем от самих слов о Теневых.

Рейна Торн не суетилась.

Никогда.

Она могла торопиться, злиться, командовать, замолкать так резко, что спорить с ней переставали даже призраки на чердаке. Но суета была для других людей. Для тех, кто не привык держать дом, семью и собственную боль обеими руками.

Сейчас она дважды провела ладонью по лицу, словно пыталась стереть с него дождь, страх и всё то, что не имела права показать.

— Экстренно созван Совет Ложи, — произнесла она глухо. Голос всё ещё держался, но в нём появилась трещина.

Маленькая. Почти незаметная. — Прибыли главы всех кланов. Ожидается официальное заявление Великого Магистра.

Лилит невольно сделала шаг назад, будто эти слова толкнули её в грудь.

— Все кланы? — спросила она и попыталась улыбнуться. Получилось плохо. — Просто уточню, потому что иногда у взрослых магов бывают приступы драматизма. Мы говорим о настоящем Совете? О том самом, где люди в дорогих мантиях делают вид, что не ненавидят друг друга?

Рейна посмотрела на неё строго.

— Лилит.

— Всё, я понимаю. Сейчас не время для моих комментариев, хотя, на мой взгляд, именно в такие моменты они особенно нужны обществу.

— Собирайтесь, — сказала Рейна.

Одна фраза.

И всё в комнате стало окончательным.

Астра убрала часы в карман.

Лилит перестала теревить занавеску.

Мара почувствовала, как холод под рёбрами сжался в тугой, неприятный узел.

— Нам нужно быть в Ложе через час, — добавила Рейна. — Берите только необходимое. Одежду на несколько дней, личные амулеты, защитные составы. Никаких лишних вещей.

Лилит открыла рот.

Рейна подняла руку.

— Это значит, что шесть пар серёг, три шарфа и духи «на случай политического кризиса» остаются дома.

— Ты ранишь меня в самое сердце, — тихо сказала Лилит, но даже это прозвучало без обычного блеска.

Дом тихо скрипнул где-то в стенах.

Не укоризненно.

Тревожно.

Мара подняла голову.

Ей показалось, что особняк дышит слишком часто. Старое дерево потрескивало в коридоре, трубы глухо отзывались в глубине стен, а камин в гостиной горел неровно, будто пламя тоже пыталось прислушаться к чему-то за пределами дома.

— Идите, — сказала Рейна уже мягче. — Быстро.

Сёстры переглянулись.

И в этом взгляде было слишком много всего.

Вопросы.

Страх.

Привычка держаться вместе.

И понимание, от которого у Мары неприятно пересохло во рту: что бы ни ждало их впереди, привычная жизнь только что изменилась навсегда.

Первой развернулась Астра.

Разумеется.

Она всегда первой начинала действовать, когда остальные

ещё пытались осознать произошедшее.

Её шаги были ровными, уверенными, почти сухими. Она поднялась по лестнице так, будто шла не собирать вещи среди ночи после новости о возвращении древнего ужаса, а выполнять пункт из заранее составленного списка.

Мара смотрела ей вслед и думала, что однажды Астра, наконец, составит список даже для конца света.

С пунктами.

С подпунктами.

И с пометкой: «Лилит не подпускать к огню».

Астра вошла в свою комнату и на мгновение замерла на пороге.

Только там, где её никто не видел, она позволила себе закрыть глаза.

Глубокий вдох.

Медленный выдох.

И всё лишнее — страх, растерянность, желание вернуться в гостиную и убедиться, что сёстры всё ещё на месте, — было аккуратно убрано внутрь. Не уничтожено. Нет. Астра не была человеком без чувств. Она просто складывала их туда, где они не мешали действовать.

Комната пахла сухими травами, воском, старой бумагой и влажной землёй после дождя. В этом запахе было что-то её собственное: терпкое, спокойное, надёжное. У окна стояли горшки с розмарином, лавандой, горной мятой и маленьким плющом, чьи листья блестели в тусклом свете настоль-

ной лампы. На деревянных полках теснились книги по алхимии, старые травники, стеклянные флаконы, коробочки с минералами и тетради с аккуратными пометками.

На массивном дубовом столе древность и современность соседствовали без всякого внутреннего конфликта. Открытый ноутбук с мерцающим экраном стоял рядом с книгой в потрёпанном кожаном переплёте. Возле бронзовой чаши лежали маленькие ножницы для трав, линейка, пробирки и блокнот, где формулы соседствовали с астрологическими символами.

Для Астры магия никогда не была чудом.

Магия была системой.

А систему можно понять.

Проверить.

Улучшить.

Она подошла к шкафу, достала дорожную сумку из мягкой тёмной замши и начала складывать вещи.

Несколько флаконов с концентрированными настоями для экстренной защиты.

Мешочек сушёной полыни и зверобоя.

Кристалл горного хрусталя.

Книгу с записями о свойствах редких трав.

Блокнот с последними экспериментами.

Амулет из обсидиана, усиленный её собственной силой.

Смену одежды в тёмных тонах.

Практично.

Незаметно.

Удобно.

Каждого предмета она касалась кончиками пальцев, задерживаясь на долю секунды. Шептала короткие слова на древнем языке, и сила земли отзывалась в комнате едва заметной вибрацией. Мелкие камешки в открытой коробке тихо звенели друг о друга, листья лаванды на подоконнике дрожали, хотя окно было закрыто.

Астра почувствовала этот отклик под кожей.

Глубоко.

Надёжно.

Земля всегда отвечала ей не сразу, не бурно, не эффектно. Она отвечала так, как отвечают старые союзники: без обещаний, но с готовностью держать.

У окна Астра задержалась.

Плющ, обвивавший решётку снаружи, казался почти чёрным от дождя. Она подняла руку, и тонкий стебель чуть пошевелился, касаясь стекла. Лёгкое движение. Проверка связи. Ответ.

Астра кивнула.

Потом вернулась к столу, взяла флакон с тёмно-зелёной жидкостью и капнула пару капель на запястье. Аромат мяты, дубовой коры и холодного камня сразу поднялся вверх, проясняя мысли. Кожа под каплями чуть онемела, затем потеплела.

Её собственное зелье концентрации.

Нестабильное.

Ещё не идеальное.

Но рабочее.

В блокноте рядом с рецептом стояла пометка: «Повторить при убывающей луне. Лилит не давать нюхать. Маре — только при необходимости».

Астра невольно сжала губы.

Мара.

Лилит.

Внизу они, вероятно, снова спорили или делали вид, что не боятся. Обе по-своему. Лилит — через шум. Мара — через тишину.

Астра закрыла флакон и спрятала его во внутренний карман пальто.

— Всё готово, — тихо произнесла она.

Голос звучал ровно.

Почти безупречно.

Только пальцы на застёжке сумки задержались чуть дольше, чем нужно.

Она обернулась, окинув комнату последним взглядом. Всё на своих местах. Всё под контролем.

Почти.

Перед выходом Астра положила ладонь на дверную раму. Старое дерево было тёплым. Дом узнал её прикосновение сразу: где-то в стене глухо дрогнул камень, по полу прошёл слабый вибрирующий отклик.

— Береги их, — прошептала она.

Дом ответил низким, едва слышным гулом.

Защита активировалась.

Теперь никто не проникнет сюда без её ведома.

Астра вышла в коридор и плотно закрыла дверь. Её шаги были твёрдыми, уверенными.

Так идёт человек, который знает: если путь требует пройти через ад, нужно идти так, будто это место принадлежит тебе.

Лилит, в отличие от Астры, собиралась так, словно конец света лично зашёл к ней в комнату и потребовал выбрать наряд.

Её дверь была распахнута. Изнутри доносился звон браслетов, шорох ткани, звук выдвигаемых ящиков и тихое раздражённое бормотание, в котором периодически всплывали слова «катастрофа», «стиль» и «почему именно сегодня».

Комната Лилит была не комнатой.

Это был личный портал в хаос, который каким-то образом пах лавандой, дымом шалфея, ванилью, свечным воском и дорогими духами. На зеркале висели засушенные цветы, искусственные звёзды и синие бабочки. На комод лежали карты Таро, кристаллы, благовония, маленькие бутылочки с маслами, лунный календарь и две записки самой себе.

«Не гадать после вина».

И рядом, другим почерком:

«Или хотя бы записывать результаты».

На стене висел гобелен с танцующими нимфами, рядом — старый постер с джазовым квартетом двадцатых годов. Под окном покачивалась подвеска из прозрачных кристаллов, и каждый раз, когда по дому проходил сквозняк, они тихо звенели, разбивая свет на маленькие искры.

Сейчас подвеска звенела без ветра.

Лилит старалась на неё не смотреть.

Получалось плохо.

Она металась от шкафа к кровати, от кровати к комоду, от комода обратно к шкафу, словно пойманная в ловушку бабочка, которая отказывается признавать, что стекло вообще существует. Пальцы нервно перебирали вещи: серебряный кулон с аметистом, винтажный браслет с бирюзой, шёлковый шарф с леопардовым принтом, амулет от сглаза, ключ неизвестно от чего.

— Просто уточню, — сказала она, когда Рейна появилась в дверях. Голос Лилит дрогнул, но она тут же спрятала это за привычной интонацией. — Теневые вернулись. Совет Магистров собрали среди ночи. На улице гроза. И никто не считает это плохим знаком? Потому что лично я вижу здесь целый букет отвратительных примет.

Рейна оперлась плечом о дверной косяк.

Она уже успела переодеться в сухое тёмное платье и длинный кардиган, но волосы всё ещё были влажными. От неё пахло шалфейным мылом и дождём.

— Лилит.

— Всё-всё. Я молчу. Просто хочу, чтобы в протоколе было зафиксировано: вселенная сегодня ведёт себя подозрительно.

— Собирай необходимое.

— Это очень расплывчатая формулировка. Для меня необходимые вещи и для Астры — это две разные религии. Рейна посмотрела на разбросанные по кровати шарфы.

— Одежда на несколько дней. Защита. Карты. Один флакон духов.

Лилит прижала ладонь к груди.

— Один?

— Один.

— Это уже не экстренный сбор. Это моральное насилие.

Рейна, несмотря на тревогу, почти улыбнулась.

Почти.

И именно это короткое движение её губ заставило Лилит чуть спокойнее вдохнуть.

«Спокойно, — мысленно приказала она себе. — Ты в потоке. Всё идёт по плану. Просто это не тот план. И, возможно, план составлял кто-то с очень плохим вкусом».

Она подошла к шкафу и начала выбирать одежду.

Терракотовые брюки с серебряной вышивкой.

Шёлковая блузка цвета морской волны.

Кожаный пояс с бронзовыми заклёпками.

Удобные ботинки на толстой подошве.

Лёгкая куртка песочного оттенка с винтажными пугови-

цами.

— Если нас собираются запереть в Ложе, я хотя бы буду выглядеть как человек, который попал туда по приглашению, а не после нервного срыва, — пробормотала она.

— Лилит.

— Я собираюсь, тётя. Просто делаю это с достоинством и лёгким протестом против обстоятельств.

К одежде добавились аксессуары.

Кольцо с гранатом — для смелости.

Серебряный браслет с лунными камнями — для интуиции.

Кулон с тигровым глазом — для защиты.

Маленький мешочек соли.

Зеркальце.

Горсть монет «на удачу».

Потрёпанная колода Таро.

На последней она задержалась.

Карты лежали на комодe, будто ждали.

Лилит провела пальцами по потёртой рубашке колоды.

Картон был тёплым. Слишком тёплым. От прикосновения по запястью пробежало лёгкое покалывание, а где-то у окна снова тихо зазвенели кристаллы.

— Только не сейчас, — прошептала она.

Рейна услышала.

Конечно, услышала.

— Что показали карты?

— Я ещё не раскладывала.

— Но они уже говорят?

Лилит подняла глаза.

На секунду маска беззаботности соскользнула, и под ней показалось то, что она обычно прятала даже от себя.

Страх.

Настоящий.

Глубокий.

— Они шумят, — призналась она тихо. — Как перед грозой. Только гроза уже здесь.

Рейна подошла ближе и коснулась её плеча. Ладонь была тёплой, крепкой, пахла травами и домом.

— Возьми их.

Лилит сглотнула.

— А если я увижу что-то, что мне не понравится?

— Тогда ты всё равно увидишь это не одна.

Эти слова почему-то ударили сильнее, чем должны были.

Лилит быстро отвернулась к зеркалу и сделала вид, что поправляет волосы.

— Звучит ужасно трогательно. Предупреждаю сразу: если я расплачусь, то только потому, что тушь не водостойкая.

— Разумеется.

У зеркала Лилит замерла.

Тёмные непослушные волосы разметались по плечам, карие глаза блестели от волнения, губы упрямо пытались сложиться в улыбку. Она провела рукой по лицу, выдохнула и

подмигнула своему отражению.

— Ну что, красотка, — прошептала она. — Пора показать им, на что способна шальная карта.

Потом повернулась к Рейне, изобразив на лице самую беззаботную улыбку, на которую была способна.

— Я готова. Хотя, если подумать, нам определённо нужен вау-эффект. Желательно в рамках бюджета и без смертельных последствий.

Рейна покачала головой.

Но в её глазах снова промелькнуло что-то мягкое.

— Идём.

Лилит подхватила сумку, ещё раз окинула комнату взглядом. Орхидеи на подоконнике слегка покачивались. Пластинки у стены блестели тёмными кругами. Гобелен с нимфами словно шептал: «Ты вернёшься».

Она очень хотела в это поверить.

— Ладно, вселенная, — сказала Лилит уже тише. — Посмотрим, что за сюрприз ты приготовила. Только прошу, без плохого финала. У меня на эту неделю другие планы.

Мара стояла у окна своей комнаты и смотрела на сад.

Она почти не слышала суеты в доме. Шаги Астры. Голос Лилит. Глухой стук ящиков. Всё это происходило где-то далеко, словно между ней и остальным миром вдруг опустили толстое стекло.

За окном дождь стекал по стеклу тяжёлыми каплями, рисуя причудливые узоры. Старые яблони сгибались под вет-

ром. Живая изгородь из жасмина, лаванды и розмарина вдоль дальней дорожки была почти чёрной от воды. Где-то за ней, у кованой калитки, туман сгущался плотнее, чем должен был.

Мара прищурилась.

На секунду ей показалось, будто там кто-то стоит.

Силуэт.

Тень.

Высокая.

Неподвижная.

Она задержала дыхание.

Очередная вспышка молнии осветила двор.

Ни души.

Только мокрые кусты, блестящие дорожки и вода, капающая с крыши в старую каменную чашу возле беседки.

Мара медленно выдохнула.

Воздух в комнате был прохладным, пах свечным воском, пеплом, сухими травами и чёрным чаем, который она так и не допила после обеда. На языке всё ещё держался металлический привкус. Слабый. Почти неуловимый. Но он появился после слов Рейны и не исчезал.

— Нервы, — прошептала она, проводя пальцами по холодному стеклу. — Просто нервы.

Стекло ответило ледяным прикосновением.

Комната Мары была темнее, чем комнаты сестёр. Даже днём. Плотные шторы, свечи, старые книги, лунные карты,

сухие травы, стеклянные баночки, кристаллы, чёрные тетради, рисунки созвездий и потрёпанные страницы с пометками на полях. У окна стояло широкое кресло с бархатной обивкой цвета пепла. Рядом — столик с чашей из чёрного агата, ножом для ритуальных трав и свечой, которую она не зажигала уже неделю.

На полке лежал блокнот со снами.

Мара старалась на него не смотреть.

Получалось так же плохо, как у Лилит с плохими приметами.

Она подошла к шкафу. Движения были резкими, почти дёргаными: то полный контроль, то внезапный порыв. Открыла дверцы и окинула взглядом вещи.

Чёрное платье с кружевными вставками.

Бархатный жакет графитового оттенка.

Кожаные брюки.

Тяжёлые ботинки.

Шёлковый шарф с вышитыми звёздами.

Она выбрала брюки, тёмный топ и жакет. Платье осталось на вешалке. Сейчас ей хотелось не красоты. Ей хотелось чувствовать, что если придётся бежать, драться или лезть через окно, одежда не станет ещё одним врагом.

На столике один за другим оказались предметы, без которых она не хотела выходить из дома.

Кольцо с чёрным агатом.

Серебряный кулон в виде змеи.

Маленький мешочек с сухими травами.

Кристалл обсидиана.

Колода Таро, хотя гадала чаще Лилит.

Блокнот со снами.

На последнем Мара задержала руку.

Кожа на пальцах неприятно похолодела.

Открывать не хотелось.

Но она всё равно открыла.

Страницы были исписаны её неровным почерком. Некоторые слова повторялись снова и снова.

Нити.

Храм.

Огонь.

Стена.

Переход.

Не трогайте их.

Мара провела пальцем по последней фразе.

Не трогайте их.

Она не помнила, когда именно это записала. После какого сна. После какой ночи, когда проснулась с сердцем, бьющимся так отчаянно, будто оно пыталось выбить себе путь наружу.

Из коридора донёсся приглушённый голос Лилит.

Слишком весёлый.

Значит, сестра боялась.

Мара закрыла блокнот и засунула его в сумку.

Каждое прикосновение к вещам давало ощущение опоры. Обсидиан был холодным и гладким. Кольцо с агатом тяжело легло на палец. Серебряная змея на кулоне коснулась кожи под ключицей, и от этого по телу прошла короткая дрожь.

У зеркала Мара замерла.

Светлые пшеничные волосы вились непослушными волнами, слишком мягкими для её настроения. Зелёные глаза смотрели насмешливо, почти вызывающе, но в глубине пряталась тревога. Кожа казалась бледнее обычного. На губах не было улыбки.

Она провела рукой по лицу, словно стирая следы слабости.

Потом усмехнулась своему отражению.

— Ну что, — тихо произнесла она. — Посмотрим, кто кого.

В дверь постучали.

— Мара, ты готова? — голос Лилит прозвучал слишком бодро для ситуации. — Потому что я готова настолько, насколько вообще можно быть готовой к ночному визиту в Ложу после новости о древнем кошмаре.

— Почти, — ответила Мара, застёгивая браслет. — Иду.

Она уже направилась к двери, но остановилась.

Снова окно.

Снова двор.

Снова это мерзкое чувство чужого взгляда между лопаток.

Мара медленно обернулась.

Калитка была пуста.

Но на мокрой земле возле неё, там, где каменная дорожка поворачивала к изгороди, что-то блеснуло.

Серебристо.

Тонко.

На одно мгновение.

Мара шагнула ближе к стеклу.

Блеск исчез.

Просто вода.

Просто молния.

Просто её голова.

Она сжала в кармане кристалл обсидиана так сильно, что острые грани больно впились в ладонь.

Боль помогла.

Боль всегда помогала отличить настоящее от того, что лучше бы осталось во сне.

Когда сёстры спустились вниз, Рейна уже ждала их в холле.

Дом вокруг казался непривычно настороженным. Светильники горели ровно, но слишком ярко. Семейные портреты на стенах словно смотрели внимательнее обычного. Где-то в глубине особняка тихо стучали трубы, хотя вода нигде не была включена.

У входа стояли четыре сумки.

Астра — собранная, тёмная, с аккуратной косой и лицом

человека, который уже составил план выживания на ближайшие трое суток.

Лилит — яркая даже в тревоге, с кольцами, браслетами, сумкой через плечо и упрямым блеском в глазах.

Мара — в чёрном, с обсидианом в кармане и ощущением, что часть её всё ещё стоит у окна и смотрит на пустую калитку.

Рейна окинула их взглядом.

Проверила.

Пересчитала.

Убедилась, что все трое здесь.

И только после этого позволила себе вдохнуть.

— Перед выходом я усилю внешние печати, — сказала она. — Дом останется закрытым до нашего возвращения.

— Он обидится, если мы уйдём без прощания? — спросила Лилит, поглядывая на лестницу.

В ответ где-то наверху скрипнула половица.

— Слышишь? Уже драматизирует.

— Это у него от тебя, — заметила Мара.

— Между прочим, дом и я — две яркие личности, которых в этой семье недостаточно ценят.

Астра застегнула пальто.

— Дом хотя бы иногда слушается.

Лилит прищурилась.

— Удар ниже пояса, Ас.

— Наблюдение.

Рейна подняла ладонь, и разговор оборвался сам собой.

Она подошла к двери, положила пальцы на старую деревянную раму и закрыла глаза. Воздух вокруг неё изменился. Стал влажнее, плотнее. От пола поднялся слабый запах земли после дождя — глубокий и чистый, а в чаше у двери вода дрогнула, хотя никто её не касался.

Татуировки на запястьях Рейны проступили темнее.

Знак земли.

Знак воды.

Она прошептала заклинание тихо, почти неслышно. Слова были древними, мягкими и тяжёлыми одновременно. Дом ответил.

Не сразу.

Сначала дрогнули стеклянные светильники.

Потом где-то под полом прошёл низкий гул.

Затем по дверной раме пробежала тонкая золотистая линия, скрылась в резьбе, спустилась к порогу и исчезла.

Лилит поёжилась.

— Каждый раз, когда дом делает что-то такое, мне кажется, что он знает о нас больше, чем должен.

— Он и знает, — сказала Рейна.

— Вот это вообще не успокаивает.

Мара молчала.

Она смотрела на золотистую линию, которая исчезла в пороге, и пыталась не думать о том, что на мгновение ей снова показалась другая линия.

Не золотая.

Серебристая.

Тонкая.

Натянутая.

Рейна открыла глаза.

— Пора.

Они вышли в дождь.

Холод ударил сразу. Вода хлестнула по лицу, забралась за воротник, скользнула по коже ледяными пальцами. Воздух пах мокрой землёй, розмарином из живой изгороди, дымом из соседских труб и далёкой рекой Алетрой. Где-то в городе звонили часы, но под дождём их звук казался глухим, будто шёл из-под воды.

Дом за их спинами тихо скрипнул.

Не как старое дерево.

Как живое существо, которое не хочет отпускать своих.

Мара обернулась.

Окна особняка светились тёплым жёлтым светом. Плющ на стенах темнел от дождя. Крутая крыша уходила вверх острыми линиями, растворяясь в сером небе. Дом выглядел старым, сильным и почему-то печальным.

Лилит тоже обернулась и подняла руку.

— Мы скоро вернёмся, — сказала она.

Одна из штор в гостиной едва заметно дрогнула.

— Видите? — прошептала Лилит. — Он меня любит.

— Он прощается с нами, — тихо сказала Астра.

И почему-то от этих слов Мара почувствовала, как внутри снова натянулась та самая невидимая струна.

Они прошли по каменной дорожке к калитке.

Там, где Мара видела блеск.

Она задержалась на секунду.

— Мара? — позвала Астра.

— Сейчас.

Мара наклонилась.

На мокром камне ничего не было. Только вода. Листья. Маленькая веточка лаванды, сорванная ветром с изгороди.

Она подняла её.

Пальцы сразу пропитались резким травяным запахом.

Лаванда должна была успокаивать.

Астра так говорила.

Но сейчас от её запаха Маре стало только холоднее.

— Ты что-то нашла? — спросила Рейна.

Мара посмотрела на пустую дорожку.

Потом на тёмную линию леса за домом.

Ей снова показалось, что там кто-то есть.

Очень далеко.

За дождём.

За деревьями.

За границей обычного зрения.

— Нет, — сказала она, пряча веточку в карман. — Просто показалось.

Рейна не поверила.

Астра тоже.

Лилит, скорее всего, тоже.

В этой семье вообще плохо верили в слово «показалось».

Но никто не стал спрашивать.

Не сейчас.

За калиткой их уже ждала машина Рейны. Чёрная, старая, но ухоженная, с защитными знаками под лаком и маленькой серебряной подвеской Гекаты у зеркала. Когда Рейна открыла дверь, внутри пахло кожей, мятными леденцами и сушёным шалфеем.

Лилит забралась на заднее сиденье первой.

— Я официально заявляю, что если сегодня ночью мне придётся общаться с Магистрами, я потребую кофе. Много кофе. И, возможно, компенсацию морального ущерба.

Астра села за руль.

— Постарайся хотя бы первые десять минут никого не провоцировать.

— Я не провоцирую. Я создаю атмосферу.

— Именно этого я и боюсь.

Мара устроилась у окна.

Стекло было холодным. За ним дом постепенно отдалялся, когда машина тронулась с места и покатила вниз по мокрой дороге.

Глава 3

POV: Мара

Вальтерра умела притворяться обычной.

Особенно ночью.

Особенно под дождём.

Из окна машины город казался почти мирным: мокрые улицы, старые фонари, светящиеся золотыми пятнами в лужах, закрытые ставни, редкие прохожие под зонтами, витрины лавок, отражающие серое небо и наши фары. Каменные дома с черепичными крышами стояли тесно друг к другу, будто грелись боками в непогоду. Где-то за поворотом пахло свежим хлебом, мокрым деревом и кофе — должно быть, ночная пекарня на правом берегу уже начинала работу.

Обычная Вальтерра.

Та самая, где соседка с первого этажа могла спросить, почему ты вчера поздно вернулась домой, но при этом сделать вид, что вовсе не следила из окна. Где старый пекарь знал, что Астра берёт тёмный хлеб с тмином, Лилит — фонарные пончики, а я обычно ничего не покупаю, но всё равно ухожу с бумажным пакетом, потому что «такая худенькая девушка не должна жить на одном сарказме». Где бариста на площади помнил, что тётя пьёт кофе без сахара, но всегда ставил ря-

дом маленькое печенье, потому что однажды видел, как она расплакалась за столиком у окна после годовщины смерти родителей.

Вальтерра жила памятью.

И именно поэтому сейчас было так странно смотреть на неё из машины, зная, что где-то впереди, за дождём и туманом, в Ложе обсуждают возможность новой войны.

Никто на улицах не знал.

Никто не подозревал.

В одном из окон молодая женщина задвигала шторы, держа на руках сонного ребёнка. У цветочной лавки под навесом старик убирал ящики с мокрыми розами. Двое подростков перебежали дорогу, смеясь и прикрываясь одной курткой от дождя, а за ними недовольно залаяла собака.

Они жили.

Просто жили.

И от этого внутри почему-то стало больнее.

Рейна сидела рядом с Астрой на переднем сиденье и смотрела на город так же внимательно, как я. Её профиль рывками освещали то фонари, то вспышки молний. На лице снова появилась привычная собранность, но пальцы лежали на сумке слишком напряжённо.

— Смотрите, — тихо сказала она.

Лилит перестала крутить кольцо на пальце.

Астра не оторвала взгляда от дороги, но я заметила, как её плечи чуть напряглись.

— Никто из них не знает, — продолжила тётя. — Никто не подозревает, что сегодня ночью в Ложе обсуждается возможность новой войны. Что граница с Теневыми могла быть повреждена. Что всё, что они считают привычным и безопасным, может рухнуть в любой момент.

Её голос был негромким, но каждое слово ложилось в салоне тяжело, как мокрая ткань.

Я прищурилась, вглядываясь в улицу.

Прохожий у кофейни поднял воротник пальто и поспешил под навес. В витрине книжной лавки горел маленький светильник. На стекле висела табличка «Закрыто», но внутри кто-то двигался между полками — наверное, господин Арман снова пересчитывал редкие издания до утра, потому что не доверял ни помощникам, ни инвентарным книгам.

— Они и не должны знать, — сказала я.

Слова прозвучали неожиданно твёрдо.

Даже для меня.

Лилит повернула голову.

Астра бросила на меня короткий взгляд в зеркало заднего вида.

Я сглотнула металлический привкус, который не исчезал с момента, как тётя вошла в дом.

— Пусть живут, — добавила я тише. — Пусть смеются. Покупают хлеб. Спорят из-за погоды. Верят, что мир надёжен хотя бы до утра.

Лилит невесело усмехнулась.

— Да, пусть верят. А мы тем временем будем разбираться с тем, что творится за кулисами их уютной реальности. Как обычно, без благодарностей, отпускных и нормального кофе.

— Ты можешь не упоминать кофе хотя бы пять минут? — спросила Астра.

— Не в такой стрессовой ситуации. Это мой эмоциональный фундамент.

— У тебя фундамент из кофе, блёсток и плохо продуманных решений.

— Зато он устойчивее, чем твоя вера в инструкции.

Астра чуть заметно усмехнулась.

Это было почти чудо.

Рейна тоже услышала. Уголок её губ дрогнул, но улыбка не задержалась. Слишком много всего стояло между нами и обычным вечером, где такие перепалки могли бы закончиться чаем, пледом и очередной лекцией Астры о технике безопасности.

Машина свернула к старой части города.

Левый берег Вальтерры выглядел так, словно его построили не архитекторы, а чья-то упрямая память. Узкие улицы извивались между домами, балконы почти соприкасались над мостовой, по стенам полз плющ, а под окнами стояли глиняные горшки с лимонными деревцами и мокрой лавандой. Старинные фонари качались на ветру, их свет дрожал, размазываясь по дождю.

Центральная площадь в это время была почти пуста.

Днём здесь шумели кофейни, открывались книжные магазины, цветочницы выставляли вёдра с розами, художники спорили о цене картин, а туристы фотографировали каждый камень так, будто Вальтерра специально ждала их восхищения. Сейчас площадь лежала под дождём тёмная и блестящая. Муниципалитет из светлого песчаника возвышался у края площади, высокая башня с часами уходила в низкие облака. Стрелки показывали почти полночь.

Когда часы пробили, звук разошёлся над городом медленно и гулко.

Раз.

Два.

Три.

Каждый удар отдавался где-то под кожей.

Я отвернулась от башни.

Не знаю почему.

Просто на секунду показалось, что не часы считают время.

А что-то другое.

Собор Святой Ириды проступил за дождевой пеленой чуть дальше, над крышами старого центра. Белый камень фасада потемнел от влаги, колокольня казалась почти чёрной на фоне неба. Даже из машины я почувствовала странное давление, которое всегда появлялось рядом с собором. Будто кто-то смотрел из глубины веков, не мигая.

Лилит тихо поёжилась.

— Ненавижу это место ночью.

— Ты ненавидишь его и днём, — напомнила Астри.

— Днём я отношусь к нему с уважительным недоверием.

Ночью оно становится взаимным.

— Собор не может относиться к тебе с недоверием.

В этот момент фары скользнули по каменным ступеням, и тень от колонны легла на дорогу так резко, будто кто-то шагнул нам наперерез.

Лилит указала на окно.

— Передай это собору.

Я хотела усмехнуться, но не смогла.

Тень исчезла слишком быстро.

И всё же холод под рёбрами стал сильнее.

Мы проехали мимо Старого рынка.

Днём это было любимое место Лилит: лавки с травами, свечи ручной работы, карты Таро, амулеты, подвески от сглаза, баночки с ингредиентами, которые обычные туристы принимали за сувениры. Ночью рынок выглядел иначе. Навесы были закрыты, ткань тяжело провисала от воды, деревянные прилавки темнели под дождём. Над одной лавкой всё ещё горел маленький синий огонёк — знак для тех, кто знал, что за прилавком продавали не просто мятный чай и открытки с видами города.

— Если мы выживем, — тихо сказала Лилит, глядя в окно, — я куплю себе новые карты у мадам Солари. Те, с серебряной рубашкой.

— Если мы выживем, — ответила Астри, — ты сначала

вернёшь миссис Пипери нормальную мазь.

— Опять бытовой терроризм под видом ответственности.

— Опять попытка избежать последствий под видом юмора.

Лилит вздохнула.

— Иногда мне кажется, что ты любишь последствия больше, чем меня.

— Не больше. Просто они реже взрывают кухню.

Рейна тихо кашлянула, скрывая смешок.

Я всё-таки улыбнулась.

На секунду.

Ровно до тех пор, пока впереди не показался Каменный мост.

Он пересекал Алетру широкой тёмной дугой. Под дождём камень почернел почти полностью, а старинные фонари вдоль кованых перил горели тускло, будто свету здесь тоже было не по себе. Река под мостом несла свои воды медленно и тяжело. Ночью Алетра всегда казалась почти чёрной, но сегодня в ней было что-то ещё. Глубина. Движение. Нечто такое, чего я не могла назвать.

Когда машина въехала на мост, воздух в салоне изменился.

Стал холоднее.

Плотнее.

Я почувствовала, как волосы на руках встали дыбом.

Под мостом пересекались древние магические линии. Об

этом знала каждая ведьма Вальтерры. Обычно я ощущала их как слабое покалывание в пальцах или лёгкую вибрацию в костях, будто где-то глубоко под землёй текла вода.

Но сегодня всё было иначе.

Сердце ударило раз.

Слишком сильно.

Перед глазами на мгновение мелькнула серебристая линия. Потом ещё одна. Они протянулись под водой, сквозь камень, сквозь сам мост, переплетаясь где-то под нами в тугой сияющий узел.

Я вцепилась пальцами в кристалл обсидиана в кармане.

Острая грань впилась в ладонь.

Боль вернула меня обратно.

— Мара? — спросила Лилит.

Я повернула голову.

Она смотрела на меня уже без улыбки.

— Ты побледнела.

— Просто мост, — сказала я. — Ты же знаешь, здесь всегда странная магия.

Астра снова посмотрела на меня в зеркало.

— Не настолько странная.

Я промолчала.

Потому что не знала, что сказать.

Потому что если бы попыталась объяснить про линии под водой, про звон в ушах и про ощущение, будто где-то совсем рядом что-то натянулось до предела, это прозвучало бы

безумно даже для ведьмы.

А сегодня мне очень не хотелось быть ещё одной проблемой.

Машина съехала с моста.

Воздух немного отпустил.

Но не до конца.

Алетра осталась позади, и вместе с ней — старая часть города. Правый берег встретил нас более широкими улицами, низкими домами, закрытыми мастерскими и тёмными верандами. Здесь было меньше красоты для туристов и больше настоящей жизни. Под навесом булочной горел свет, из трубы поднимался тонкий дым, и даже сквозь дождь до машины долетел запах свежего хлеба, дрожжей и корицы.

Мой желудок неожиданно сжался.

Не от голода.

От чего-то похожего на тоску.

Именно здесь жили мы. Здесь начинался путь домой. Здесь нас знали не как ведьм из рода Торн, не как представительниц Стихийного Клана, не как племянниц Рейны. Просто как трёх сестёр из старого дома у леса, где иногда хлопали двери сами собой и раз в месяц что-нибудь взрывалось на кухне.

Сначала исчезли магазины.

Потом фонари.

Потом последние дома.

Дорога начала подниматься вверх среди холмов.

Астра включила дальний свет. Фары выхватывали из темноты мокрый асфальт, низкие каменные ограды, редкие деревья и густой туман, который стелился над землёй белыми лентами. Дождь стал тише, почти незаметнее, но воздух сделался холоднее и пах уже не городом, а лесом: хвоей, сырой корой, мхом, влажными листьями и землёй, которая помнила больше, чем люди.

— Ну вот, — протянула Лилит, прижимаясь лбом к стеклу. — Начинается часть путешествия, где в нормальных книгах кто-нибудь говорит: «Может, не пойдём туда ночью?»

— Мы едем в Ложу, — сказала Астра.

— Именно. В огромную древнюю крепость среди леса, где сегодня ночью собрали всех важных магов из-за возможного возвращения Теневых. Абсолютно нормальный маршрут. Очень туристический.

— Ты сама ведьма, Лилит, — заметила я.

— Но не злобная же.

— Спорное утверждение после кухни.

Она возмущённо повернулась ко мне.

— Мара Торн, я ожидала от тебя поддержки, а получила удар в спину.

— В нашей семье это почти форма поддержки.

Астра коротко усмехнулась, не отрывая взгляда от дороги.

— Лилит, если ты увидишь в лесу злобных ведьм, постарайся не вступать с ними в дискуссию о стиле.

— Вы прекрасно знаете, о чём я говорю. Мы хоть и сти-

хийные ведьмы, но не тычем этим людям в лицо, как некоторые представительницы кланов, которые считают, что родословная заменяет воспитание.

— Ты про провидиц из Гекаты? — спросила я.

Лилит всплеснула руками так, что браслеты звякнули в полумраке салона.

— А про кого ещё? Эти высокомерные королевы туманных взглядов каждый раз смотрят на нас так, будто мы полукровки с одной метлой на троих.

— Технически метла у нас одна, — заметила Астра.

— Ас, сейчас не время для твоего убийственного реализма.

— Наоборот. Самое время.

Я откинулась на сиденье и посмотрела в окно.

Деревья за стеклом становились всё гуще. Их ветви сплетались над дорогой, образуя тёмный свод. Где-то между стволами мелькнуло движение — птица, зверёк или просто кусок тени, сорванный фарами.

— Просто не обращай внимания, Лил, — сказала я. — Если кто-то в Ложе решит, что ты недостаточно чистокровная, можешь напомнить им: огонь, вода, воздух и земля не спрашивают фамилию перед тем, как убить.

Лилит оживилась.

— Вот! Вот за это я тебя и люблю. Мара может сказать угрозу так, что она звучит как философия.

— Я старалась.

— А ещё ты можешь поджарить их задницы одним взглядом.

— Одним взглядом пока не получается. Но я работаю над этим.

Рейна, сидевшая впереди, покачала головой, но я увидела, как в отражении бокового стекла её губы тронула слабая улыбка.

— Девочки.

— Что? — Лилит невинно захлопала ресницами. — Мы морально готовимся к Совету.

— Вы обсуждаете поджаренные задницы.

— У каждого свой путь к внутренней устойчивости.

Я фыркнула.

Смех получился тише обычного, но всё равно помог. На несколько секунд напряжение в груди ослабло. Лилит всегда умела делать так, чтобы даже страшное становилось чуть менее невыносимым. Возможно, именно поэтому мы позволяли ей выживать после всех катастроф.

Дорога стала круче.

Астра сбавила скорость. Гравий зашуршал под колёсами, машину слегка тряхнуло. Фонари остались далеко позади; теперь путь освещали только фары и редкие вспышки молний за тучами. Лес Гекаты сомкнулся вокруг нас.

Официально его давно называли иначе.

Кажется, Северным заповедником.

Или Верхним лесом.

Никто в Вальтерре этим названием не пользовался.

Среди сосен и кипарисов даже днём царил полумрак, а ночью лес казался не местом, а существом. Туман задерживался между деревьями дольше, чем должен. Тишина была слишком внимательной. Местные старики говорили, что в этом лесу всегда на одного наблюдателя больше, чем положено.

Никто никогда не смеялся над этой фразой.

Потому что каждый житель Вальтерры хотя бы раз в жизни чувствовал это на себе.

Я почувствовала сейчас.

Сначала — затылком.

Потом между лопаток.

Потом глубже, там, где весь день жила тревога.

— М-да, — протянула Лилит, уже намного тише. — Теперь мне кажется, что лес оценивает мой наряд.

— И как оценка? — спросила я.

Она посмотрела за стекло.

— Смешанная. Но я чувствую зависть.

— Лес не может завидовать твоей блузке.

— Ты не видела, как он смотрит.

— Это деревья.

— Именно это они и хотят, чтобы ты думала.

Астра выдохнула через нос.

— Лилит, ради всего святого, не начинай конфликт с лесом.

— Я не начинаю. Просто обозначаю границы.

Рейна наконец повернулась к нам вполоборота.

— Сейчас лучше всем обозначить молчание.

Её голос не был резким.

Но мы замолчали.

Сразу.

Тётя редко просила тишины просто так.

Машина поднималась всё выше. Влажные ветви царапали по бокам дороги. Иногда фары выхватывали из темноты старые каменные столбы, покрытые мхом и едва заметными рунами. Некоторые знаки вспыхивали бледно-зелёным, когда мы проезжали мимо, и снова гасли.

Магия здесь была другой.

Не домашней, как в нашем особняке.

Не городской, как на мосту.

Старая.

Холодная.

Сторожевая.

Она не обнимала.

Она проверяла.

У меня заложило уши.

Обсидиан в кармане стал таким холодным, что пальцы почти онемели.

— Приближаемся, — тихо сказала Рейна. — Держите амулеты при себе. И помните: сегодня в Совете будет много тех, кто смотрит на нас косо. Но мы здесь не для споров. Мы

здесь, чтобы узнать правду.

— Очень надеюсь, что правда сегодня будет в хорошем настроении, — пробормотала Лилит. — Потому что моё уже где-то между «паника» и «купите мне кофе».

Астра не ответила.

Она крепче сжала руль.

Я заметила это по белым костяшкам пальцев.

— Забыла сказать, — добавила Рейна после короткой паузы. — Прошлая Верховная Магистр скончалась неделю назад.

В салоне стало тише.

Даже Лилит перестала двигаться.

— Эллина? — спросила Астра.

Рейна кивнула.

— На её место встал сын. Магнус Талассия.

Лилит округлила глаза.

— Подожди. Тот самый Магнус? Который в двадцать два закрыл разрыв у Северного дозора? Который, по слухам, может заставить взрослого мужчину признаться в налоговых махинациях одним взглядом? Этот Магнус?

— Я бы предпочла, чтобы ты не проверяла слухи лично.

— Я? — Лилит прижала ладонь к груди. — Тётя, ты говоришь так, будто я хожу по Ложе и намеренно испытываю терпение важных людей.

Астра хмыкнула.

— Ты именно этим и занимаешься каждый раз, когда по-

падаешь в помещение с важными людьми.

— Я создаю живую атмосферу.

— Ты создаёшь угрозу дипломатическому протоколу.

Рейна бросила на Лилит строгий взгляд через плечо.

— Если старая Элина терпела твои выходки, это не значит, что новый Магистр будет. Поэтому держи себя в руках.

Лилит нахмурилась.

— Я что, самая проблемная в этой семье?

— Самая заметная, — мягко сказала Рейна.

— Самая дурная, я бы сказала, — добавила Астра.

— Но мы тебя любим, — продолжила тётя, и в её голосе впервые за эту ночь появилось настоящее тепло. — Со всеми твоими особенностями.

Лилит открыла рот.

Закрыла.

Потом снова открыла.

— Моими... особенностями? Вы сказали это так, будто у меня их много.

Я не выдержала и рассмеялась.

Смех вырвался внезапно, почти болезненно, но от него в салоне стало чуть теплее.

— Ну, если посчитать все твои гениальные идеи за последний месяц, то да. Возможно, их чуть больше, чем пара штук.

— Это не особенности, а изюминки.

— В твоём случае изюминки иногда взрываются.

— Зато без них я была бы скучной.

— О, в скуке тебя точно никто не заподозрит.

Лилит посмотрела на меня с достоинством оскорблённой королевы.

— Спасибо. Это почти комплимент.

— Не привыкай.

Она хотела ответить, но не успела.

Лес впереди расступился.

И я впервые за эту ночь увидела Ложу.

Она стояла на холме так, будто выросла из самой горы.

Не здание.

Не крепость.

Что-то древнее, огромное, упрямое.

Серый известняк, тёмный гранит, местами золотистый песчаник, который вспыхивал в холодных бликах молний. Высокие арки. Башни. Шпили. Галереи, уходящие в туман. Узкие окна, в которых горел свет. Слишком много света для такого позднего часа.

В пасмурную ночь Ложа не выглядела гостеприимной.

Она вообще не стремилась понравиться.

Она смотрела сверху вниз.

На лес.

На дорогу.

На нас.

Красивый университет на краю конца света.

Я слышала о ней всю жизнь. Видела издалека. Бывала на открытых праздниках, когда Ложа распахивала двери для го-

рожан в День основания, а студенты проводили экскурсии по безопасным залам, где никто не показывал настоящие архивы, настоящие печати и настоящие страхи.

Но сейчас всё было иначе.

Сейчас Ложа была не праздником.

Она была предупреждением.

У главных ворот стояли две башни. Между ними — огромные бронзовые створки, покрытые знаками стихий, созвездиями, древними надписями и символами, значения которых я не знала. Плющ оплетал камень, серебристый мох блестел между плитами, а защитные руны вдоль ворот мерцали холодным светом.

Машина остановилась.

Несколько секунд никто не двигался.

Дождь снова усилился, застучал по крыше, по стёклам, по капоту. Где-то за воротами гулко шумела вода — канал во внутреннем дворе или далёкие водопады, не знаю. Этот звук был низким, постоянным, похожим на дыхание.

Рейна заглушила двигатель.

— Выходим, — сказала она. — И держитесь вместе.

Лилит посмотрела на ворота.

— Выглядит как место, где плохие новости подадут без сахара.

— Тогда не проси добавки, — сказала Астра, открывая дверь.

Холодный воздух ворвался в салон.

Я вышла последней.

Дождь сразу намочил волосы, кожу, воротник жакета. Камень под ногами был скользким и холодным. Воздух пах озоном, мокрым гранитом, хвоей и старой магией. Такой старой, что рядом с ней хотелось говорить тише.

Лилит поёжилась и поправила сумку на плече.

— Если Магнус окажется занудным, я заранее не виновата.

Астра закрыла машину и посмотрела на неё.

— Ты можешь хотя бы первые десять минут не провоцировать Верховного Магистра?

— Могу.

Мы все посмотрели на неё.

Лилит вздохнула.

— Теоретически.

— Это уже ближе к правде, — сказала я.

Она ткнула меня локтем в бок.

— Ты должна быть на моей стороне.

— Я на стороне выживания.

— Предательница.

— Изюминка.

Лилит фыркнула, но улыбнулась.

Коротко.

Нервно.

Мы поднялись по каменной дорожке к воротам.

С каждым шагом давление в груди усиливалось. Не страх.

Не совсем. Скорее ощущение, что я приближаюсь к месту, которое знает обо мне что-то, чего я сама знать не хочу.

На бронзовых створках руны светились ярче.

Один символ привлёк мой взгляд.

Три переплетённые линии.

Одна уходила вверх.

Другая тянулась ровно.

Третья резко обрывалась.

Я остановилась.

Всего на секунду.

Но Астра заметила.

— Мара?

Я сглотнула.

Символ уже потускнел.

Просто старый знак.

Один из сотен.

— Ничего, — сказала я. — Просто красиво.

Ложь получилась так себе.

Астра явно это поняла, но перед воротами, под дождём, среди стражей Ложи и холодных рун не стала спрашивать.

Рейна подошла к одному из стражей и назвала своё имя.

— Рейна Торн. Стихийный Клан. Со мной Астра, Лилит и Мара Торн.

Страж, высокий мужчина в тёмной форме с серебряной застёжкой у горла, провёл взглядом по нашим лицам. Не грубо. Но слишком внимательно. Так смотрят не на гостей, а на

возможную проблему.

На Лилит он задержался чуть дольше.

Она улыбнулась ему так ярко, будто пришла на вечеринку.

— Доброй ночи. Или уже катастрофической? Я пока не поняла, какой у нас официальный тон вечера.

Астра тихо выдохнула.

Рейна закрыла глаза на полсекунды.

Страж моргнул.

Кажется, он тоже не был готов.

— Совет ожидает вас, — сказал он наконец.

— Чудесно, — прошептала Лилит. — Нас уже ждут. Значит, сбежать поздно.

Ворота начали открываться.

Не скрипом.

Не звоном механизма.

Низким каменным гулом, будто сама гора разрешала нам войти.

Этот звук прошёл по земле, поднялся по ногам, отозвался в позвоночнике. Я почувствовала его под кожей. В зубах. В груди. Где-то глубоко внутри снова прозвучал тонкий серебряный звон.

Как предупреждение.

Как зов.

Как начало чего-то, что уже нельзя было остановить.

За воротами открылся внутренний двор Ложи.

Мощёный камнем, окружённый арками и галереями,

освещённый магическими лампами и живым огнём. В центре проходил узкий канал с тёмной горной водой. Днём, наверное, он отражал башни и небо, но ночью казался почти чёрным. На его поверхности светились белые лилии.

Несколько лилий у самого края канала были не белыми.

Бледно-серыми.

Я не знала, почему это важно.

Но кожа на руках покрылась мурашками.

Вдоль двора стояли статуи. Некоторые с трещинами на лицах, некоторые без пальцев, некоторые наполовину скрытые плющом. Их тени ложились на мокрый камень так, будто они тоже собрались на Совет.

Ложа была полна людей.

Маги в тёмных плащах. Ведьмы разных кланов. Стражи. Старшие семьи Вальтерры. Кто-то говорил шёпотом, кто-то молчал, кто-то смотрел на ворота так, словно ждал, что следом за нами войдёт сама война.

И тогда я поняла одну вещь.

Рейна не преувеличивала.

Все были напуганы.

Просто каждый прятал это по-своему.

Астра — за прямой спиной.

Лилит — за улыбкой.

Рейна — за строгим голосом.

Я — за молчанием.

Мы прошли под арками.

Камень вокруг дышал холодом. Где-то далеко звонила вода. Воздух пах мокрым мхом, свечами, озоном и старой бумагой. Из открытых дверей доносился гул голосов — сдержанный, напряжённый, похожий на шум улья перед грозой.

Лилит наклонилась ко мне.

— У меня плохое предчувствие.

— У тебя оно бывает каждый раз, когда нужно вести себя прилично.

— Сейчас другое.

Я посмотрела на неё.

Её улыбка исчезла.

В темноте её карие глаза казались почти чёрными.

— Воздух здесь странный, — прошептала она. — Он будто не знает, куда ему идти.

Я хотела ответить что-нибудь язвительное.

Правда хотела.

Но в этот момент мы вошли в главный корпус Ложи, и мне вдруг стало не до шуток.

Потому что где-то впереди, за огромными дверями зала Совета, снова прозвучал этот тонкий серебристый звон.

Тише дыхания.

Острее боли.

И на этот раз мне показалось, что он звучит не снаружи.

А во мне.

Глава 4

POV: Мара

Ложа встретила нас не как гостей.

Я поняла это почти сразу.

Не по стражам у ворот. Не по холодным взглядам ведьм, собравшихся во внутреннем дворе. Не по тому, как Рейна чуть заметно выпрямилась, прежде чем сделать первый шаг вперёд.

А по самому воздуху.

Он был другим.

Холоднее.

Чище.

Тяжелее.

Такой воздух не просто вдыхаешь — он входит в лёгкие, касается изнутри рёбер, оставляет на языке привкус мокрого камня, хвои и старой магии. От него хотелось говорить тише. Двигаться осторожнее. Не потому, что кто-то приказал, а потому, что само место будто напоминало: здесь помнят всё.

Великая Ложа возвышалась перед нами — не просто здание, а воплощение силы, застывшей в камне.

Я бывала здесь раньше.

Все мы бывали.

На праздниках. На редких открытых лекциях. В День основания Ложи, когда простым жителям Вальтерры разрешали пройти по безопасным галереям, посмотреть библиотеку верхнего уровня, послушать студентов-экскурсоводов и купить медовые пряники в форме башен у главного двора.

Тогда Ложа казалась величественной.

Старой.

Немного пугающей, но всё же частью мира, который я знала.

Сейчас она выглядела иначе.

Словно за те годы, что мы не приходили сюда ночью, она выросла. Или, может быть, просто перестала притворяться гостеприимной.

Архитектура казалась парадоксом. Будто время решило сделать здесь паузу и собрать в одном месте всё, что когда-либо считало властью: строгость древнего храма, холодную вертикальность готического монастыря, замкнутую учёность старого университета и тяжесть средневековой крепости. Высокие арки уходили вверх, в дождь. Башни растворялись в тумане. Шпили чертили тёмное небо, словно пытались распороть облака. Галереи, колоннады, террасы, внутренние переходы — всё это было слишком большим, слишком старым, слишком уверенным в себе.

Ложа не стремилась понравиться.

Она даже не пыталась.

Она была прекрасной той жестокой красотой, которая не

спрашивает, готов ли ты её выдержать.

— Каждый раз забываю, насколько это место любит производить впечатление, — пробормотала Лилит рядом со мной.

Дождь уже успел намочить её волосы, и тёмные пряди прилипли к вискам. Но даже сейчас, в мокрой куртке, с тревогой в глазах и сумкой через плечо, она умудрялась выглядеть так, будто просто случайно забрела в древнюю крепость и теперь собиралась оценить интерьер.

— Ложа не производит впечатление, — сказала Астра, поправляя ремень сумки на плече. — Она демонстрирует власть.

— Вот именно. И делает это слишком театрально. Я бы посоветовала ей немного расслабиться.

— Лилит, — тихо сказала Рейна.

Сестра подняла руки.

— Я молчу. Просто внутренне осуждаю архитектурные амбиции.

Я смотрела на стены.

Серый известняк. Тёмный гранит. Местами — почти золотистый песчаник, вспыхивавший в редких холодных бликах молний. Дикий виноград оплетал арочные окна. Серебристый мох блестел между камнями. Плющ на стенах не выглядел украшением. Он казался частью защиты. Живой. Старой. Вцепившейся в Ложу так крепко, будто его корни уходили не в землю, а в саму историю.

Главные ворота закрылись за нашими спинами с низким глухим звуком.

Не хлопком.

Не скрежетом.

Словно гора захлопнула рот.

Я невольно вздрогнула.

Астра, конечно, заметила.

Но ничего не сказала.

Внутренний двор раскрылся перед нами широким каменным пространством, окружённым арками и галереями. Он был одновременно монастырским, университетским и дворцовым. Мокрый камень блестел под магическими лампами. По краям стояли статуи. Некоторые лишились пальцев, некоторые — лиц, у некоторых трещины проходили через грудь или шею. Плющ забирался им на плечи, мох покрывал основания, у ног росли горные розы, пригнутые дождём.

От этого статуи выглядели не мёртвыми.

Спящими.

Одна изображала женщину с поднятой рукой, словно она всё ещё отдавала приказ войскам, которых давно не было. Другая — безмянного воина с расколотым щитом. Третья стояла чуть в стороне: женская фигура без подписи, лицо стёрто дождями и временем, ладони сложены перед собой так, будто она держала что-то невидимое.

Я замедлила шаг.

На секунду мне показалось, что между её пальцами блес-

нула тонкая серебристая линия.

Я моргнула.

Ничего.

Только вода.

Только свет фонаря.

Только моё воображение, которое в последнее время решило окончательно испортить мне жизнь.

— Не задерживайся, — тихо сказала Астра.

Я догнала её.

— Не задерживаюсь.

— Ты буквально остановилась.

— Я рассматривала статую.

— Ты рассматривала её так, будто она собиралась тебе ответить.

— Учитывая нашу семейную историю с живым домом, это не самый странный вариант.

Лилит тихо фыркнула.

— Если статуи начнут разговаривать, я увольняюсь из этой ночи.

— Ты не можешь уволиться из ночи, — сказала Астра.

— Не мешай мне мечтать.

В центре двора проходил длинный канал с горной водой. Не фонтан. Не пруд. Именно канал — прямой, узкий, тёмный, как жила, пересекающая каменное сердце Ложи. Вода была почти чёрной, но под поверхностью угадывалась глубина — зелёная, ледяная, неподвижная на вид и почему-то

живая. Ночью на воде светились белые лилии.

Я знала старую легенду.

Каждая лилия — маг, погибший во время Первой Войны или при защите Стены.

Официально Ложа называла это красивым суеверием.

Неофициально даже самые циничные Магистры обходили канал с уважением.

Сегодня несколько лилий у самого края светились не белым.

Бледно-серым.

Почти пепельным.

Я остановилась так резко, что Лилит едва не врезалась мне в плечо.

— Мара?

Я смотрела на воду.

На серые цветы.

На то, как их лепестки дрожат без ветра.

В груди снова натянулась та самая струна.

— Они должны быть белыми, — сказала я.

Рейна услышала.

Она обернулась слишком быстро.

— Что?

Я кивнула на канал.

— Лилии. Они обычно белые.

Астра посмотрела туда же.

Её лицо не изменилось, но я заметила, как она сжала ре-

мень сумки.

— Может, свет так падает.

— Свет не делает белое серым, — тихо ответила Лилит.

Вот за это я её и любила.

Лилит могла часами отрицать очевидное, если речь шла о последствиях её собственных экспериментов, но дурные знаки чувствовала кожей.

Рейна несколько секунд смотрела на лилии.

Потом повернулась к нам.

— Не обсуждайте это здесь.

Этого было достаточно.

Значит, она тоже заметила.

Значит, дело было не в свете.

И тревога внутри стала тяжелее.

Мы двинулись дальше.

Вокруг уже собирались ведьмы и маги. Они стояли группами под арками, у колонн, возле канала, на ступенях главного корпуса. Кто-то говорил шёпотом. Кто-то молчал. Кто-то делал вид, что происходящее его не пугает, но руки выдавали всех: пальцы на амулетах, ладони на рунах, ногти, впившиеся в кожу.

Кланы было легко отличить, даже если не знать гербов.

Стихийники держались шире всех.

Наш клан всегда занимал слишком много пространства. Может, потому что нас было больше. А может, потому что земля, вода, воздух и огонь редко умели быть незаметными.

У одной ведьмы по рукавам стекали тонкие струйки воды, не намочив ткани. Мужчина с огненно-рыжими волосами грел ладони над маленьким пламенем, которое горело прямо в воздухе. Пожилая женщина с тяжёлой косой держала в пальцах горсть земли, и та мягко перекатывалась, будто дышала. Несколько молодых стихийников переговаривались слишком громко, пытаясь скрыть страх за бравадой.

Наши.

Деметра была их покровительницей.

Жизнь.

Рост.

Циклы.

Сила, которая пахла дождём, травами, горячим камнем, рекой, пеплом и зерном.

Стихийники редко выглядели таинственно. Зато обычно выглядели так, будто если начнётся пожар, наводнение или землетрясение, они хотя бы будут знать, с какой стороны ругаться.

Лилит заметно расслабилась, увидев знакомые лица.

— Родной хаос, — пробормотала она. — Наконец-то.

— Не позорь нас в первые пять минут, — сказала Астра.

— Никаких обещаний, если кто-то из водников снова спросит, не я ли устроила тот инцидент с фонтаном.

— А это была ты?

Лилит посмотрела на меня с оскорблённым достоинством.

— Доказательств так и не нашли.

— Ответ принят.

Чуть дальше, у тёмной арки, стояли провидцы.

Их было меньше.

Намного меньше.

Они всегда держались отдельно, будто сама близость к другим людям мешала им слышать то, что шепчут звёзды, карты и тени на перекрёстках. В одежде у них было больше тёмно-синего, серебра, чёрного, иногда — белого. На пальцах тонкие кольца. На шеях подвески с лунами, ключами, глазами, звёздными символами. Некоторые смотрели не на людей вокруг, а куда-то поверх плеч, как будто в воздухе висел текст, доступный только им.

Одна молодая провидица с гладкими чёрными волосами вдруг повернула голову в мою сторону.

Резко.

Слишком резко.

Наши взгляды встретились.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод.

Она смотрела не просто на меня.

Сквозь меня.

Будто что-то во мне на секунду отвлекло её от чужого будущего.

Потом рядом с ней пожилая женщина коснулась её локтя, и провидица отвернулась.

— Ненавижу, когда они так делают, — тихо сказала Ли-

лит.

— Как? — спросила я, хотя прекрасно поняла.

— Смотрят так, будто уже знают, как ты умрёшь, но считают невежливым испортить вечер.

— Возможно, они просто считают нас странными.

— Мара, нас все считают странными. Это не повод так смотреть.

Рейна резко посмотрела на Лилит.

Не зло.

Предупреждающе.

— Держитесь ближе к своим.

Своим.

Я снова посмотрела на провидцев.

Иногда тётя говорила это слово слишком быстро. Слишком уверенно. Так, будто если произносить его достаточно часто, оно станет правдой.

Мы были стихийниками.

Все так считали.

Мы тоже.

Но почему тогда рядом с провидцами у меня всегда возникало ощущение, что кто-то внутри меня знает дорогу, которую я сама никогда не проходила?

Я отвернулась.

Не сейчас.

На верхней галерее стояли Хранители Времени.

Их было совсем мало. Пять или шесть человек. По-

что неподвижные, спокойные, в серых и тёмно-фиолетовых одеждах, с часами, подвешенными к поясам или спрятанными в ладонях. Они не путешествовали во времени — это было запрещено и, по словам Астры, физически невозможно без разрушения сознания. Но могли замедлить секунду, удержать мгновение, создать маленький карман стазиса или услышать память времени в месте, где произошло что-то сильное.

Рядом с ними воздух выглядел иначе.

Едва заметно.

Дождевые капли у края арки падали медленнее, чем должны были.

Лилит проследила за моим взглядом.

— Вот от кого у меня всегда мурашки. Провидцы хотя бы драматичные. А эти смотрят так, будто уже опоздали на разговор, который ещё не начался.

— Ты просто не любишь людей, которые молчат больше тебя, — сказала Астра.

— Я не доверяю людям, которые молчат так осознанно.

На противоположной стороне двора держались артефакторы и рунники.

Клан Афины.

Их можно было узнать по инструментам даже здесь: тонкие металлические стилусы, защитные перчатки, очки с зачарованными линзами, медные браслеты с рунами, маленькие футляры у поясов. Кто-то проверял печати на колоннах.

Кто-то спорил с пожилым Магистром, размахивая свитком. У одной девушки на плече сидела механическая птица из латуни и чёрного стекла, поворачивая голову слишком живо для простой игрушки.

Лилит просияла.

— О, артефакторы. Самые весёлые люди после нас.

— Они хотя бы взрывают вещи профессионально, — заметила Астра.

— Вот именно. У них к этому нездоровая бюрократическая поддержка.

— И письменные разрешения.

— Душно.

Я усмехнулась.

Но взгляд всё равно возвращался к серым лилиям.

К провидице у арки.

К статуе без лица.

К символам на воротах.

Ложа не просто принимала нас.

Она наблюдала.

И чем дальше мы шли, тем сильнее становилось это ощущение.

Рейна повела нас к группе Стихийного Клана. Несколько человек обернулись. Кто-то кивнул тёте. Кто-то посмотрел на нас с любопытством. Кто-то — с жалостью, которую я возненавидела мгновенно, даже раньше, чем успела понять почему.

А потом я увидела его.

Кассиан Арден стоял чуть в стороне от остальных.

Высокий.

Широкоплечий.

Спокойный настолько, что вокруг него даже тревога будто становилась дисциплинированнее.

Ему было около пятидесяти, но возраст не уменьшал его внушительности. Наоборот. Время добавило ему веса. Значимости. Опасности. Тёмные волосы с серебристой проседью на висках были аккуратно зачёсаны назад. Лицо резкое, скулы выраженные, тяжёлая линия челюсти. На нём был длинный тёмный плащ с застёжкой Стихийного Клана — четыре переплетённых знака земли, воды, воздуха и огня.

Но больше всего запоминались глаза.

Серо-голубые.

Проницательные.

Усталые.

Глаза человека, который привык видеть больше остальных.

И многое хотел бы забыть.

Когда он увидел нас, что-то изменилось в его лице.

Совсем немного.

На долю секунды.

Так быстро, что кто-то другой, наверное, не заметил бы. Но я заметила. Не знаю почему. Возможно, потому что весь вечер внутри меня было слишком много чужих знаков,

слишком много натянутых струн, слишком много ощущений, которым я не могла подобрать слов.

Кассиан посмотрел сначала на Астру.

Потом на Лилит.

Потом на меня.

И в его взгляде мелькнула боль.

Не жалость.

Не просто воспоминание.

Именно боль.

— Рейна, — сказал он.

Голос у него был низкий, спокойный. Ему не нужно было говорить громко, чтобы его услышали. Люди вокруг немного стихли сами собой.

— Кассиан, — ответила тётя.

Она подошла к нему, и они обменялись коротким, сдержанным объятием. Не близким. Не холодным. Таким, как у людей, которых связывает слишком много прошлого, чтобы объяснять это словами на глазах у чужих.

Потом он повернулся к нам.

— Астра. Лилит. Мара.

Он произнёс наши имена так, будто каждое имело вес.

Лилит выпрямилась.

— Глава Арден.

— Лилит, — сказал он чуть мягче. — Вижу, ты всё ещё способна выглядеть так, будто пришла на Совет не из-за угрозы войны, а чтобы оценить, кому не хватает вкуса.

Она моргнула.

Потом медленно улыбнулась.

— Это прозвучало почти как комплимент.

— Это было наблюдение.

— В нашей семье наблюдения часто болезненнее оскорблений.

— Я помню.

Эти два слова прозвучали странно.

Слишком тихо.

Рейна отвела взгляд.

Астра заметила.

Я тоже.

Кассиан посмотрел на старшую сестру.

— Астра.

— Глава Арден, — сказала она ровно.

Уважительно.

Осторожно.

Астра всегда была осторожна с людьми, которые знали наших родителей. Словно каждый из них носил в кармане кушочек прошлого, который мог в любой момент порезать.

Кассиан чуть наклонил голову.

— Ты очень похожа на него, когда пытаешься не показывать, что уже составила план.

Астра замерла.

Всего на секунду.

— На отца?

— Да.

Воздух между ними изменился.

Моё сердце вдруг ударило сильнее.

Мы редко говорили об отце с теми, кто знал его до нас.

Не потому что запрещалось. Просто такие разговоры всегда были похожи на прикосновение к старой ране через ткань: вроде не больно, но тело всё равно помнит.

Лилит перестала улыбаться.

Рейна напряглась.

Кассиан, кажется, понял, что сказал больше, чем собирался.

— Он тоже сначала искал решение, — добавил он тише.

— А уже потом позволял себе испугаться.

Астра ответила не сразу.

— Значит, у него была полезная привычка.

— Не всегда, — сказал Кассиан.

И снова эта боль в глазах.

Я почувствовала, как что-то холодное скользнуло под кожей.

Он повернулся ко мне.

— Мара.

Я не любила, когда незнакомые взрослые произносили моё имя так, будто видели в нём не меня, а чьё-то отражение.

— Глава Арден.

Он смотрел на меня дольше, чем нужно.

Не грубо.

Не оценивающе.

Скорее так, будто искал знакомые черты и боялся их найти.

— У тебя его взгляд, — сказал он наконец.

Я подняла бровь.

— Учитывая, что все обычно говорят про волосы, это почти оригинально.

Лилит тихо кашлянула, скрывая смешок.

Астра едва заметно повернула голову в мою сторону. Предупреждающе.

Но Кассиан не обиделся.

Наоборот, в уголках его глаз на секунду появилось что-то почти живое.

— И его язык, — сказал он.

— Тогда соболезную всем, кто с ним спорил.

— Им было непросто.

Рейна посмотрела на него так, будто просила не продолжать.

Кассиан понял.

Его лицо снова стало спокойным.

Слишком спокойным.

— Совет скоро начнётся, — сказал он. — Магнус задерживает заявление до прибытия всех глав. Ситуация серьёзнее, чем сообщили по первому каналу связи.

Лилит заметно побледнела.

— То есть фраза «Теневые вернулись» была недостаточно

драматичной?

— Это была только верхняя часть проблемы.

— Обожаю, когда у проблемы есть подземные этажи, — пробормотала она. — Особенно в здании, где подземные этажи наверняка существуют буквально.

Кассиан перевёл взгляд на Рейну.

— Девочки остаются с вашим кланом до начала заседания. После — по решению Совета.

— По решению Совета? — переспросила Астра.

Голос у неё стал тише.

А значит, опаснее.

— Что это значит?

Кассиан посмотрел на неё спокойно.

— Пока ничего.

— Обычно, когда взрослые говорят «пока ничего», это означает «мы уже решили, но вам не понравится».

Лилит тихо присвистнула.

— Ас сегодня в ударе.

— Сегодня все в ударе, — сказала я. — Просто одни честнее.

Кассиан не отвёл взгляда от Астры.

— Сейчас никто не знает, какое решение будет правильным.

— Но кто-то уже считает, что имеет право решать за нас, — сказала она.

На этот раз Рейна вмешалась.

— Астра.

Сестра замолчала.

Но не потому что согласилась.

Она просто отложила спор.

Астра вообще умела откладывать споры так, что становилось понятно: потом они вернутся с процентами.

Кассиан смотрел на неё с тем странным выражением, в котором было и уважение, и грусть.

— Ты действительно дочь Элиаса.

В груди что-то неприятно сжалось.

Я не знала, почему это прозвучало как благословение и приговор одновременно.

Над двором вдруг раздался низкий удар колокола.

Один.

Глубокий.

Тяжёлый.

Голоса стихли почти сразу.

Все головы повернулись к главному корпусу.

В высоких дверях появились стражи Ложи. За ними — несколько Магистров в тёмных мантиях с серебряными застёжками. Свет магических ламп отразился на мокром камне, на воде канала, на серых лепестках лилий.

Воздух снова стал плотнее.

Лилит тихо взяла меня за рукав.

Не сильно.

Только коснулась.

Но я почувствовала, что её пальцы холодные.

— Мара, — прошептала она. — Скажи мне что-нибудь в своём стиле.

— В каком именно?

— В том, где ты делаешь вид, что мы не все сейчас идём слушать новости, от которых хочется выпить.

Я посмотрела на двери.

На стражей.

На Кассиана.

На Рейну, которая стояла слишком прямо.

На Астру, у которой лицо стало спокойным, как перед бурей.

Потом сказала:

— Если новости окажутся плохими, ты хотя бы сможешь сказать, что была красиво одета в момент исторической катастрофы.

Лилит моргнула.

Потом тихо рассмеялась.

Коротко.

Нервно.

Но рассмеялась.

— Вот за это я тебя люблю.

— За признание очевидного?

— За то, что ты ужасная, но полезная.

— Семейная черта.

Второй удар колокола прокатился по двору.

Кассиан повернулся к нам.

— Пойдёмте. Совет ждёт.

Мы двинулись вслед за ним к главному корпусу.

Под арками было холоднее. Каменные плиты под ногами блестели от дождя, но не скользили, будто Ложа не позволяла упасть тем, кого сама решила впустить. Стены здесь были украшены гербами кланов, бронзовыми светильниками и старыми картами, на которых границы мира выглядели иначе. В некоторых коридорах горел электрический свет, но рядом всё равно стояли свечи, потому что старые секции Ложи, по слухам, не любили современность.

Я понимала их чувства.

Рядом с сенсорной панелью у одной двери висел бронзовый амулет.

Под камерой наблюдения — руна, вырезанная прямо в камне.

На столе у дежурного мага лежал планшет, а поверх него — пергамент, запечатанный воском.

Ложа привыкла жить в XXI веке.

Но не подчинилась ему.

Коридоры тянулись вперёд высокие, длинные, с арочными окнами и тяжёлыми дверями из чёрного дерева. Каменные полы были отполированы сотнями лет шагов. Пахло воском, мокрой шерстью, старой бумагой, мхом и чем-то металлическим — тем самым привкусом тревоги, который с утра не хотел оставлять меня в покое.

Иногда лампы мигали.

Иногда в пустом боковом проходе слышались шаги, хотя там никого не было.

Иногда дверь, которая должна была вести в архив или кабинет, казалась слишком тёмной, слишком внимательной, слишком готовой открыться не туда.

Лилит наклонилась ко мне.

— У этого места вайб дорогой тюрьмы с хорошим вкусом.

Я едва удержалась от смеха.

— Мы здесь ещё даже до гостевых комнат не дошли.

— Вот именно. А оно уже давит.

— Это называется власть, — сказала Астри впереди.

— Нет, Ас. Это называется плохая вентиляция и подавленные эмоции нескольких поколений Магистров.

Кассиан, шедший рядом с Рейной, кажется, услышал.

Потому что уголок его рта дрогнул.

Совсем немного.

Мы поднялись по широкой мраморной лестнице.

С каждым шагом гул голосов становился громче.

Где-то впереди ждал зал Совета.

Я чувствовала его раньше, чем увидела.

Не магией.

Не зрением.

Телом.

Как чувствуют грозу до первого грома.

Воздух над лестницей был натянут, звуки становились чи-

ще, шаги отдавались глубже. В груди снова зазвенело. Тонко. Серебристо. Почти болезненно.

Я сжала обсидиан в кармане.

Не помогло.

На верхней площадке Кассиан остановился у огромных дверей из тёмного дерева. На них были вырезаны символы всех признанных кланов: знак Стихийников, звезда Провидцев, круг Хранителей Времени, руна Афины и множество других, более мелких, связанных с родами, которые я знала только по учебникам.

Между ними был один стёртый знак.

Почти незаметный.

Контур.

Три линии, сходящиеся в одной точке.

Я задержала на нём взгляд.

Сердце ударило так резко, что стало больно.

— Мара? — спросила Астра.

Я заставила себя посмотреть на неё.

— Всё нормально.

Она явно не поверила.

Но двери уже открывались.

За ними раскрылся зал Совета.

Огромный.

Светлый.

Невозможный.

Амфитеатральное пространство уходило вверх полукру-

гами. Ряды мест, бронзовые перила, высокие арки, светлый камень, центральный круглый помост из мрамора. Над всем этим поднимался огромный купол из зачарованного стекла. Снаружи небо было затянуто тучами, но внутри купол показывал звёзды.

Настоящие или нет — не имело значения.

Они смотрели вниз.

Холодно.

Безмолвно.

В центре зала находился помост Магистра.

Не трон.

Круг.

Место, где человек должен стоять на виду у всех.

Уязвимо.

Властно.

Одиноко.

Вокруг помоста в камень были врезаны символы кланов. Между ними — старые знаки, оставшиеся от войн, клятв и решений, о которых нам в детстве рассказывали только безопасную половину.

Голоса здесь звучали иначе.

Я почувствовала это сразу.

Шёпот не расползлся по углам. Он поднимался к куполу, собирался там и возвращался обратно очищенным, как вода после фильтра. Здесь трудно было кричать. Трудно врать. Трудно казаться сильнее, чем ты есть.

Неудивительно, что многие ненавидели этот зал.

Я уже была близка.

Кассиан повёл нас к сектору Стихийного Клана.

Мы заняли места рядом с Рейной. Лилит села между мной и Астрой, что было правильно: если она начнёт нервно шутить, мы сможем одновременно пихнуть её локтями с двух сторон.

В зале постепенно стихали разговоры.

На противоположной стороне я видела провидцев — тёмное пятно среди светлого камня. Хранители Времени сидели почти неподвижно. Артефакторы перешёптывались, сверяясь с какими-то руническими пластинами. Стихийники во-круг нас пахли дождём, травами, дымом и мокрой шерстью.

Я смотрела на пустой помост.

Внутри снова звенело.

Тише.

Глубже.

Будто где-то далеко натягивали нить.

И в эту секунду я вдруг поняла: Ложа не просто собрала нас всех под своим куполом.

Она ждала.

Как ждёт живое существо, которое уже услышало треск в собственной кости.

И боялось признать, что кость начала ломаться.

Глава 5

POV: Мара

Зал Совета умел заставить человека почувствовать себя маленьким.

Не слабым.

Не беспомощным.

Именно маленьким.

Так, будто ты вдруг оказался внутри механизма, который работал задолго до твоего рождения и продолжит работать после того, как от тебя останется только имя в чьей-нибудь старой записи.

Я стояла на верхней площадке, у входа в сектор Стихийного Клана, и несколько секунд просто смотрела вниз.

Амфитеатр уходил полукругами к центральному мраморному помосту. Светлый камень под ногами казался почти молочным в сиянии магических ламп, бронзовые перила темнели от времени, а ряды мест поднимались к стенам так плавно, словно сам зал был чашей, созданной для голосов, клятв и решений, которые потом веками нельзя было отменить.

Над нами раскинулся купол из зачарованного стекла.

Снаружи небо было затянуто тучами, дождь хлестал по

крышам Ложи, и где-то за горами, скорее всего, снова гремел гром. Но здесь, под куполом, сияли звёзды.

Холодные.

Чёткие.

Невозможные.

Они смотрели вниз с таким равнодушным спокойствием, будто уже видели тысячи собраний, сотни войн и достаточно человеческой глупости, чтобы перестать удивляться.

— Ненавижу, когда потолок осуждает меня заранее, — прошептала Лилит.

Я едва заметно улыбнулась.

— Это звёзды.

— Тем более. У них исторически завышенное мнение о себе.

Астра, стоявшая впереди, даже не обернулась.

— Постарайся не спорить с небом до начала официально-го собрания.

— Ас, если сегодня мне нельзя спорить даже с небом, то где вообще границы моей свободы?

— Где-то между «молчи» и «сядь ровно».

Лилит приложила ладонь к груди.

— Жестокость старших сестёр не знает пределов.

— Зато спасает жизни, — спокойно ответила Астра.

Рейна бросила на нас короткий взгляд.

Не сердитый.

Скорее предупреждающий.

В её глазах всё ещё держалась тревога, но теперь поверх неё легла привычная собранность. Та самая, с которой она входила в комнаты, где нужно было не бояться, а делать вид, что страху просто не выдали приглашение.

Кассиан повёл нас вниз, к местам Стихийного Клана.

Когда мы проходили между рядами, разговоры стихали не полностью, но меняли тон. Шёпот становился тише. Взгляды — внимательнее. Люди смотрели на нас с тем особым выражением, от которого хотелось либо спросить, что они знают, либо немедленно уйти.

Я выбрала третий вариант.

Сделала вид, что мне всё равно.

Получилось, как обычно, достаточно убедительно, чтобы поверили почти все.

Кроме Астры.

Кроме Лилит.

И, возможно, кроме Кассиана Ардена, который шёл впереди и ни разу не обернулся, но почему-то всё равно казалось, что он замечает каждое наше движение.

Сектор Стихийников занимал правую нижнюю часть зала. Здесь пахло мокрой шерстью плащей, травами, горячим камнем, дождевой водой и слабым дымом. У одной женщины на запястьях мерцали тонкие браслеты из живого огня. Мужчина рядом с ней держал ладонь над чашей, и вода в ней медленно вращалась без единого прикосновения. Несколько молодых ведьм переговаривались у прохода, но стоило Кас-

сиану приблизиться, они тут же расступились.

Власть бывает разной.

У Магнуса, которого мы ещё не видели, она, судя по слухам, была ледяной.

У Кассиана — каменной.

Он не давил.

Не показывал силу.

Просто стоял так, будто спорить с ним было не запрещено, а бессмысленно.

— Рейна, девочки, сюда, — сказал он.

Мы прошли к свободному ряду ближе к центру. Слишком близко к помосту, на мой вкус. Отсюда было видно всё: центральный круг, символы кланов в мраморе, места Магистров, верхние галереи, где уже расположились Хранители Времени, и противоположный сектор Провидцев.

Я старалась не смотреть туда.

Естественно, именно поэтому посмотрела.

Та самая девушка с гладкими чёрными волосами сидела рядом с пожилой провидицей и что-то шептала ей на ухо. В какой-то момент она подняла глаза и снова посмотрела прямо на меня.

Холод скользнул вдоль позвоночника.

Не страх.

Скорее узнавание.

Чужое.

Непрошеное.

Я отвернулась первой.

— Если ты сейчас скажешь, что тебе просто показалось, я заранее не поверю, — тихо сказала Лилит, садясь рядом.

— Тогда зачем спрашивать?

— Чтобы у тебя была возможность соврать красиво.

— Заботливо с твоей стороны.

— Я многосторонне одарённая сестра.

Астра села с другой стороны от Лилит и положила сумку у ног. Рейна устроилась рядом с Кассианом чуть ниже, но так, чтобы видеть нас всех. Очень в её стиле. Даже в зале Совета она выбирала место не по удобству, а по возможности в любой момент встать между нами и бедой.

Я провела пальцами по холодному краю сиденья.

Камень был гладким, отполированным сотнями лет. Под ладонью едва заметно вибрировала магия зала. Она не была похожа на силу нашего дома — тёплую, ворчливую, родную. И не похожа на дикие линии Каменного моста.

Эта магия была строгой.

Выверенной.

Сдержанной.

Она не спрашивала, кто ты.

Она взвешивала.

И от этого хотелось сидеть ровнее.

— Мара!

Голос раздался позади, и в следующий миг кто-то почти врезался мне в плечо.

Я успела обернуться ровно в тот момент, когда Эвелин Арден протиснулась между двумя стихийниками, сияя так, будто никто не сообщил ей, что ночь, дождь, Ложа и возможное возвращение Теневых не располагают к радости.

С Эвелин в любом помещении действительно становилось легче дышать.

Не потому что она была наивной.

Эта ошибка держалась обычно минуты три, максимум пять.

Просто Эвелин упрямо выбирала свет даже там, где другим казалось разумнее заpastись мраком. У неё были длинные светлые волосы, чуть влажные от дождя, мягкими волнами рассыпавшиеся по плечам, и светлые глаза цвета холодного моря перед рассветом. На ней был синий свитер, серебряная подвеска в форме капли и светлый плащ, который уже успел промокнуть по краям.

Она выглядела как лето у холодного моря.

И как человек, который, если понадобится, этим морем тебя утопит.

— Ты жива, — сказала она и тут же обняла меня.

Крепко.

Тёпло.

Так, будто я могла исчезнуть, если она не убедится в обратном руками.

Я замерла всего на секунду, а потом всё-таки обняла её в ответ. От неё пахло дождём, мятой и чем-то свежим, водя-

ным, будто она только что вышла с берега реки.

— Я тоже рада тебя видеть, — сказала я ей в волосы. — Хотя твой уровень драматизма сегодня почти догоняет Лилит.

— Никто не догоняет меня, — обиделась Лилит. — Я недостижимый идеал.

Эвелин отпустила меня и тут же повернулась к ней.

— Лил, ты пришла на экстренный Совет в серьгах с бирюзой?

— Я пришла на экстренный Совет в состоянии стресса. Бирюза просто поддерживает меня эмоционально.

— Выглядит хорошо.

— Вот. Наконец-то в этом зале появился человек с вкусом.

Астра посмотрела на Эвелин поверх Лилит.

— Где Дамиан?

— Спускается. Его задержали у входа, кому-то из младших стало плохо от защитных печатей.

— Разумеется, — тихо сказала Астра.

И в её голосе было что-то, чего я редко слышала.

Облегчение.

Не сильное.

Не явное.

Но настоящее.

Через несколько секунд появился Дамиан Арден.

Если Эвелин была морем в солнечный день, то её старший

брат действительно напоминал древний лес после дождя.

Высокий, широкоплечий, с тёмно-русыми волосами, собранными в небрежный хвост, и короткой бородой, которая делала его старше своих двадцати семи. На нём не было ничего от вылизанной торжественности Ложи: простая тёмная рубашка, плотный жилет, кожаные браслеты на запястьях, несколько деревянных амулетов у горла. Он выглядел так, будто чувствовал себя куда естественнее у костра, среди трав, чем под звёздным куполом Совета.

Но когда Дамиан вошёл, несколько человек заметно ослабились.

Так происходило всегда.

Рядом с ним становилось спокойнее.

Не безопаснее.

Нет, безопасность была вещью слишком хрупкой, чтобы раздавать её одним присутствием.

Но спокойнее — да.

Он заметил Астру первым.

И улыбнулся.

Не широко.

Не демонстративно.

Просто так, как улыбаются человеку, которого давно знаешь и которому не нужно объяснять, почему сегодня тяжело дышать.

— Астра.

— Дамиан.

Она поднялась.

Они не обнялись. Не было ничего лишнего. Только короткое касание его ладони к её плечу и её пальцы, на секунду сжавшие его запястье.

Но этого хватило.

Они всегда разговаривали так.

Минимум слов.

Максимум смысла.

— Ты в порядке? — спросил он тихо.

— Рабочее состояние, — ответила Астра.

— То есть нет.

— То есть функционирую.

— Упрямая.

— Взаимно.

Лилит наклонилась ко мне.

— Иногда мне кажется, что они общаются на языке сухих отчётов и подавленной заботы.

— Это их любовный язык, — прошептала Эвелин с другой стороны.

Астра услышала.

Конечно, услышала.

Она повернула голову и посмотрела на нас так, что Эвелин тут же села рядом со мной, а Лилит сделала вид, что изучает купол.

Дамиан тихо усмехнулся.

— Рад видеть вас всех, — сказал он уже нам.

— Не уверена, что это взаимно, учитывая обстоятельства,
— ответила я. — Но как человек ты приятнее большинства вариантов в этом зале.

— От Мары это почти признание в любви, — пояснила Эвелин.

— От Мары это почти угроза, — возразила Лилит.

— Иногда это одно и то же, — сказала я.

Дамиан посмотрел на меня внимательнее.

Не так, как провидица.

Не насквозь.

А будто видел усталость, которую я сама ещё не успела признать.

— Ты плохо выглядишь.

— Всегда мечтала услышать это от целителя перед Советом.

— Я могу сказать мягче.

— Не надо. В этой семье мягкость вызывает подозрения.

Эвелин ткнула меня локтем.

— Она не спала?

— Она всегда не спит, — ответила за меня Лилит. — Мара считает сон навязанной обществом слабостью.

— Мара считает, что обсуждать Мару в третьем лице опасно для здоровья, — сказала я.

Дамиан улыбнулся, но взгляд его остался серьёзным.

— После заседания я всё равно тебя посмотрю.

— Нет.

— Это не вопрос.

Я прищурилась.

— Ты слишком много общаешься с Астрой.

— И всё равно недостаточно, чтобы научиться не спорить с тобой.

Астра села обратно, и Дамиан опустился рядом с ней. Эвелин устроилась с другой стороны от меня, так что теперь мы сидели почти как в детстве на клановых собраниях: Астра с Дамианом, я с Эвелин, Лилит между всеми, потому что её в принципе трудно было посадить в одну точку вселенной.

— Где Клео? — спросила Лилит, оглядываясь. — Она обещала, что если Совет будет скучным, то хотя бы принесёт сплетни.

— Ты думаешь, сегодняшнее собрание может быть скучным? — спросила Астра.

— Я надеюсь. Скучное собрание лучше, чем историческая катастрофа.

— Я слышала слово «сплетни» и пришла так быстро, как смогла.

Рыжая голова появилась между рядами совершенно внезапно.

Клеодора Валентис, которую все, кроме преподавателей Ложи и особенно раздражённых Магистров, называли Клео, протиснулась к нам с видом человека, который не просто опоздал, а сделал это художественно.

Она действительно не выглядела как типичная ведьма.

Никаких чёрных мантий, роковой загадочности и драматичного молчания.

Яркие рыжие волосы были собраны в небрежный пучок, из которого торчал карандаш, две тонкие металлические палочки и, кажется, маленькая отвёртка. На носу — веснушки. В светлых глазах — любопытство, которое появлялось раньше здравого смысла. Куртка с огромным количеством карманов была расстёгнута, и из одного кармана действительно торчали винтики.

Из другого — кусочек зачарованного металла.

Из третьего — записка с надписью: «Не трогать. Возможно, кусается».

— Клео, — сказала Астри. — Ты не должна сидеть в секторе Стихийников.

— Формально да, — согласилась Клео, забираясь на свободное место рядом с Лилит. — Но сектор артефакторов сейчас занят людьми, которые спорят о том, почему защитный контур у северного крыла мигнул три раза подряд. Там душно. Здесь красивее.

— Красивее — это я? — тут же спросила Лилит.

— Очевидно.

— Обожаю умных людей.

Клео наклонилась к нам и понизила голос, хотя глаза её сияли.

— Кроме того, я принесла новости.

— Вот, — Лилит победно посмотрела на Астри. — Ви-

дишь? Общественная польза.

— Если это очередная сплетня о том, кто с кем целовался в архиве, сейчас не время, — сказала Астри.

Клео моргнула.

— А ты хочешь сначала плохие новости или сплетню про архив?

— Клео.

— Поняла. Плохие.

Эвелин наклонилась ближе.

Даже Дамиан повернул голову.

Клео огляделась. Быстро. Внимательно. И на секунду стало видно, что за солнечным хаосом у неё прячется очень острый ум. Она не просто пришла поболтать. Она знала, где камеры, где стражи, где сидят Магистры, и кто делает вид, что не слушает.

— Во-первых, — прошептала она, — верхние архивы закрыли. Не для всех. Для всех-всех. Даже для рунников. Даже для меня, а это уже личное оскорбление.

— Может, наконец-то поняли, что ты разбираешь замки быстрее, чем они их ставят, — сказала Лилит.

— Это не повод ограничивать мой профессиональный рост.

— Что ещё? — спросила Астри.

Клео стала серьезнее.

— На северных печатях нашли не просто повреждение. Там что-то изменило структуру защитного слоя. Не пробило

силой. Не обожгло. Не растворило. Изменило. Как будто кто-то убедил печать стать другой.

По спине пробежал холод.

— Это возможно? — спросила Эвелин.

Клео поморщилась.

— Теоретически всё возможно. Практически, если кто-то делает такое с печатями, которые держатся пятьсот лет, я хочу знать, кто он, чем питается и почему мы всё ещё сидим здесь, а не бежим в горы с одеялами.

Лилит медленно подняла палец.

— Я голосую за одеяла.

— Одеяла не помогут против Теневых, — сказала Астра.

— Зато помогут умереть в комфорте.

Дамиан тихо произнёс:

— Не смешно.

Лилит посмотрела на него.

И её улыбка исчезла.

— Я знаю.

Несколько секунд мы молчали.

Зал вокруг наполнялся всё быстрее. Люди занимали места, стражи вставали у проходов, Магистры переговаривались у нижних рядов. С каждой минутой воздух становился плотнее. Под куполом звёзды мерцали холоднее.

— Во-вторых, — сказала Клео уже тише, — все делают вид, что Магнус давно готов к этой роли.

Лилит оживилась.

— А он не готов?

— Он готов настолько, насколько вообще может быть готов человек, которому двадцать девять и который неделю назад похоронил мать, а сегодня должен объяснить всем, почему стена между нами и древним кошмаром внезапно решила вести себя как плохо собранный артефакт.

Я невольно посмотрела на пустой помост.

Неделя.

Прошлая Верховная Магистр умерла всего неделю назад.

А теперь её сын должен был выйти в центр этого зала и удержать всех.

Ложу.

Кланы.

Город.

Мир.

— Вообще-то, — Клео понизила голос ещё сильнее, — Магнус не должен был стать следующим Верховным Магистром.

Лилит замерла.

— Это уже звучит как сплетня уровня «я готова рискнуть жизнью».

— Потому что так и есть.

Астра нахмурилась.

— Насколько надёжная информация?

Клео посмотрела на неё почти обиженно.

— Я артефактор, Астра. Мы слышим всё. К нам прихо-

дят маги, советники, хранители, исследователи, все кладут на стол свои сломанные амулеты и начинают разговаривать так, будто человек с отвёрткой в руке автоматически глухой.

— Логично, — признала я.

— Спасибо. Так вот. Наследницей была Элиана Талассия. Старшая сестра Магнуса. Её готовили с детства. Говорят, она была невероятно сильной. Энергетическое управление, защитные контуры, стратегическая магия, всё, о чём преподаватели рассказывают с выражением «такого больше не делают».

Лилит подалась ближе.

— И что случилось?

Клео на секунду потеряла ремешок на рукаве.

— В девятнадцать лет она участвовала в экспедиции к каким-то старым руинам. Официально — исследовательская работа. Неофициально — никто не говорит. После возвращения заболела. Сначала лихорадка. Потом магия начала угасать. Не ослабла. Не исказилась. Просто исчезла почти полностью.

Эвелин резко вдохнула.

— Можно потерять магию?

— Обычно нет, — сказал Дамиан тихо. — По крайней мере, не так.

— Вот именно, — кивнула Клео. — Лучшие целители Лужи не смогли ничего сделать. Элиана выжила, но потеряла право наследовать место Магистра. Тогда начали готовить

Магнуса.

Лилит смотрела на пустой помост уже иначе.

Я тоже.

История вдруг стала не политической.

Человеческой.

Я представила девушку, которую с детства учили быть будущим Ложи. Которая знала все правила, все ожидания, все взгляды. А потом одна болезнь забрала не только силу, но и жизнь, которую за неё уже решили.

— Она здесь? — спросила я.

Клео кивнула куда-то в сторону верхних рядов.

— В старом архивном крыле обычно живёт. Но на заседаниях бывает редко. Говорят, Магнус доверяет ей больше, чем всему Совету вместе взятому. И, честно, после пары встреч с Советом я его понимаю.

— Ты встречалась с Советом? — спросила Лилит.

— Я случайно подожгла сигнальный артефакт в третьей мастерской. Совет пришёл сам.

— Слово «подожгла» звучит слишком обвинительно, да? Клео просияла.

— Именно! Я знала, что ты поймёшь.

Астра закрыла глаза.

— Теперь их две.

— Не драматизируй, — сказала Лилит. — Мы с Клео просто женщины науки и вдохновения.

— И страховых случаев, — добавила я.

Клео ткнула в меня пальцем.

— Ты мне нравишься.

— Я переживу.

В этот момент свет в зале чуть изменился.

Не погас.

Не вспыхнул.

Просто стал холоднее.

Разговоры начали стихать, как вода, уходящая в глубину.

Стражи у дверей выпрямились. Магистры заняли свои места. Кассиан, сидевший ниже, поднял голову.

Рейна обернулась к нам.

Одним взглядом сказала всё: молчать, слушать, держаться вместе.

Лилит перестала улыбаться.

Эвелин взяла меня за руку под складками плаща.

Её пальцы были тёплыми и влажными после дождя.

Я не отстранилась.

Дамиан чуть наклонился к Астре и что-то сказал ей почти беззвучно. Она кивнула. Лицо у неё стало совершенно спокойным. Настолько спокойным, что мне захотелось схватить её за руку тоже.

Но я не стала.

Потому что мы обе сделали бы вид, что этого не произошло.

В центре зала мраморный помост оставался пустым.

Пока.

А потом воздух дрогнул.

Сначала едва заметно.

Будто кто-то провёл пальцем по поверхности воды.

Затем по залу прошла волна холода. Не ледяного, не болезненного. Чистого. Ровного. Магического. Она скользнула по коже, задела волосы на затылке, осела на ресницах тонким невидимым инеем.

Я услышала, как где-то рядом резко вдохнула Лилит.

Купол над нами вспыхнул мягким серебристым светом.

Звёзды стали ярче.

Голоса, которые ещё оставались в дальних рядах, оборвались один за другим.

Вокруг зала начала подниматься прозрачная граница.

Не стена.

Не купол.

Скорее тонкая плёнка, почти невидимая, но ощутимая всем телом. Она раскрывалась от центрального помоста к рядам, проходила сквозь воздух, не касаясь людей, и при этом отделяла нас от всего остального мира. Звук дождя за стенами исчез. Шум воды во дворе стал глуше. Даже собственное дыхание показалось слишком громким.

Пузырь.

Не защитный.

Не боевой.

Другой.

Я не знала точного названия, но почувствовала смысл ко-

жей: всё, что будет сказано здесь, останется здесь. Ни один шёпот не просочится в коридоры. Ни одна тень не унесёт чужие слова. Ни один артефакт не запишет лишнего.

Лилит медленно выпрямилась.

Её глаза блестели уже не страхом.

Восхищением.

— О, Богини, — прошептала она. — Да ведь это демонстрация силы.

Клео наклонилась к ней, не отрывая взгляда от серебряной границы.

— Это ты его ещё вживую не видела.

И в этот момент двери у нижнего входа открылись.

Зал Совета замер.

Глава 6

POV: Лилит

Я всегда считала, что у власти есть запах.

Не метафорически.

Вполне буквально.

У денег он один: дорогая кожа, холодные духи, бумага, которую слишком редко держат простые люди. У старых родов — другой: воск, фамильные украшения, гордость и немного плесени, если честно. У Ложи запах был сложнее. Камень после дождя. Озон. Свечной дым. Старые книги. Железо в крови, которую слишком часто проливали ради красивых слов вроде «порядок» и «безопасность».

А у власти Магнуса Талассии, как выяснилось, был запах грозы.

Сухой.

Холодный.

Такой, от которого воздух становился плотнее ещё до первого удара молнии.

Двери у нижнего входа открылись, и зал Совета замер.

Не стих.

Именно замер.

Разговоры оборвались не потому, что кто-то попросил ти-

шины. Их будто срезали одним невидимым движением. Шёпот, шелест ткани, тихий звон амулетов, даже дыхание людей вокруг — всё на секунду стало тише.

Я не любила, когда помещение начинало вести себя прилично без моего участия.

Это выглядело подозрительно.

В зал вошёл Магнус Талассия.

И я сразу поняла две вещи.

Первая: слухи о нём не ввали.

Вторая: слухи многое недоговаривали.

Он был высоким, широкоплечим, одетым в тёмный костюм без единой лишней детали и длинный магистерский плащ с серебряной застёжкой у горла. Не роскошно. Не показательно. Просто безупречно. Так одеваются люди, которым не нужно доказывать статус, потому что статус и так идёт впереди них и заставляет всех остальных выпрямляться.

Тёмно-каштановые волосы лежали не идеально, хотя, подозреваю, утром кто-то пытался с ними договориться. Не вышло. Одна прядь всё равно падала ближе ко лбу, нарушая этот пугающий порядок ровно настолько, чтобы напомнить: перед нами не статуя. К сожалению.

Серо-зелёные глаза скользнули по залу.

Спокойно.

Внимательно.

Холодно.

Я почувствовала, как между лопаток пробежал неприят-

ный холодок. Не страх. Нет уж. Страх я бы опознала и, возможно, обиделась бы на саму себя.

Это было другое.

Интерес.

Раздражающий.

Нежелательный.

Совершенно неуместный в ночь, когда древние Теневые, возможно, решили вернуться из страшных легенд и испортить всем расписание.

Магнус шёл к помосту без спешки. Его движения были точными и экономными, будто он заранее знал, сколько шагов нужно сделать, чтобы оказаться в центре зала, сколько секунд дать людям на осознание его появления и в какой момент лучше остановиться, чтобы тишина стала окончательной.

Я невольно прищурилась.

— Ну вот, — прошептала Клео рядом со мной. — Живой.

— Ты говорила так, будто он должен светиться, — пробормотала я.

— Он и светится. Просто не визуально. Харизмой, властью и хроническим недосыпом.

Я подавила смешок.

Астра, конечно, услышала.

Она даже не повернула головы, но её локоть очень точно коснулся моего бока.

Предупреждение.

Семейное.

Болезненное.

Я склонилась ближе к Клео.

— Он всегда так входит, будто сейчас отменит чью-то свободу воли?

— В плохие дни — ещё хуже.

— А сегодня какой день?

Клео посмотрела на серебристую плёнку магического пузыря, на закрытые двери, на напряжённые лица в зале.

— Сегодня день, когда я очень рада, что не сижу в первом ряду.

Магнус поднялся на центральный помост.

И вот тут я поняла, почему этот круг не был тронем.

Трон дал бы человеку высоту.

А помост давал видимость.

Со всех сторон.

Каждый мог смотреть на него. Каждый мог оценивать.

Каждый мог ждать ошибки.

И Магнус стоял там так, будто давно привык быть центром чужих ожиданий.

Не потому что хотел.

Потому что выбора ему никто не оставил.

Странная мысль.

Непрошенная.

Я тут же отогнала её, потому что жалеть Верховного Магистра в первые тридцать секунд знакомства было бы дур-

ным тоном. Особенно если он выглядел как человек, который мог одним взглядом заставить меня вернуть библиотечную книгу, потерянную в четырнадцать.

Магнус положил ладонь на мраморный край помоста.

Свет под куполом изменился.

Стал холоднее.

Звёзды над нами вспыхнули чуть ярче, а прозрачная граница пузыря превратности дрогнула, будто подтвердила его присутствие.

— Совет Ложи открыт, — произнёс он.

Голос оказался ниже, чем я ожидала.

Ровный.

Чистый.

Без попытки звучать драматично.

От этого почему-то стало хуже.

Люди, которые не пытаются производить впечатление, обычно производят его сильнее всех. Ненавижу эту несправедливость.

— Благодарю глав кланов, представителей родов, Магистров и приглашённых ведьм за то, что прибыли в столь короткий срок, — продолжил он. — Я не стану тратить время на формальности. Не сегодня.

Где-то слева кто-то тихо выдохнул.

Я заметила, как Эвелин сильнее сжала руку Мары. Мара не отстранилась, что само по себе говорило о серьёзности момента. Обычно моя младшая сестра принимала чужую

заботу так, будто это незаконное вторжение на охраняемую территорию.

Астра сидела неподвижно.

Слишком неподвижно.

Дамиан рядом с ней смотрел на Магнуса внимательно, спокойно, но я видела, как его пальцы лежали на браслете из тёмного дерева. Он теребил его медленно, почти незаметно. Значит, тоже волновался.

Рейна держалась прямо.

Кассиан — ещё прямее.

Взрослые вокруг нас вообще обожали изображать крепостные стены. Иногда мне хотелось напомнить им, что стены тоже трескаются. Просто делают это молча, чтобы никого не расстраивать.

Магнус поднял руку, и над помостом вспыхнула проекция.

Не плоская картинка.

Пространственная.

Из воздуха, серебряного света и тонких голубоватых линий начала выстраиваться карта северных рубежей. Горные хребты. Лесные массивы. Старые дозорные точки. Линия Северного барьера, протянувшаяся дугой вдоль границы.

Я видела такие схемы в учебниках.

Скучные.

Сухие.

Безопасные.

Эта безопасной не выглядела.

На северо-восточном участке карты пульсировала красная точка.

Маленькая.

Очень маленькая.

И почему-то от неё у меня похолодели пальцы.

— Сегодня в третьем часу ночи дозорная группа у северо-восточного участка Барьера прекратила выходить на связь, — сказал Магнус. — Через семнадцать минут был отправлен резервный патруль. Он обнаружил нарушение защитного слоя.

По залу прошёл шёпот.

Он не успел стать шумом.

Магнус просто посмотрел на верхние ряды.

Не строго.

Даже не раздражённо.

Просто посмотрел.

Шёпот умер сам.

Я медленно подняла брови.

Неприятно впечатляет.

— Нарушение какого уровня? — спросил пожилой мужчина из сектора рунников.

— Третьего.

Несколько человек одновременно заговорили.

Пузырь превратности выдержал звуки, но сам воздух внутри него стал плотнее, будто Ложа стиснула зубы.

— Третий уровень невозможен без внешнего воздействия, — резко сказала женщина из клана Провидцев. — Барьер не даёт таких сбоев от времени.

— Именно поэтому мы здесь, Сивилла, — ответил Магнус.

Без повышения голоса.

Без видимого раздражения.

Но в зале снова стало тихо.

Сивилла поджала губы и села обратно.

Клео наклонилась ко мне.

— Это была Сивилла Мора. Глава Провидцев. Обычно она выглядит так, будто уже видела твоё будущее и осталась недовольна стилистикой.

— Я заметила.

— Она терпеть не может, когда её перебивают.

— А Магнус её перебил?

— Нет. Он просто поставил точку там, где она хотела поставить кинжал.

Я украдкой посмотрела на Магнуса.

Он стоял под звёздным куполом, лицом к залу, и казался абсолютно спокойным. Но чем дольше я смотрела, тем яснее замечала мелочи. Тень под глазами. Чуть слишком сильное напряжение в челюсти. Пальцы, лежащие на мраморе неподвижно, но с такой силой, что костяшки едва побелели.

Клео была права.

Хронический недосып.

И что-то ещё.

Не страх.

Ответственность.

Она висела на нём так плотно, как плащ на плечах.

— Дозорная группа найдена? — спросил Кассиан Арден.

Магнус повернул к нему голову.

— Частично.

Мне не понравилось это слово.

Вообще.

Лилит Торн могла относиться к жизни с юмором, к правилам — с творческим недоверием, к опасности — с притворной беззаботностью. Но слово «частично», когда речь шла о людях, найденных у древнего Барьера, было плохим словом.

Очень плохим.

Мара рядом со мной едва заметно напряглась.

Я почувствовала это, хотя она не издала ни звука. Просто воздух вокруг неё стал горячее. Совсем немного. Как перед тем, как вспыхивает свеча.

Магнус продолжил:

— Двое дозорных погибли. Один находится в лечебном крыле Ложи в критическом состоянии. Ещё трое пропали.

В зале стало так тихо, что я услышала собственный пульс.

Глухой.

Быстрый.

Неприятно живой.

Эвелин закрыла рот рукой. Дамиан опустил голову, и на

секунду его лицо стало старше. Целители ненавидят такие новости иначе, чем остальные. Остальные слышат «погибли». Целитель слышит «я не успел».

Астра чуть наклонилась к нему, почти незаметно.

Он не посмотрел на неё.

Но плечи у него опустились на один короткий вдох.

Магнус не дал залу утонуть в реакции.

— На месте обнаружены следы теневой магии.

Вот теперь тишина стала настоящей.

Не испуганной.

Пустой.

Такой, в которой даже мысль не сразу решается звучать.

Слово «Теневые» всегда было странным.

В детстве оно пахло сказками, которыми пугают непослушных ведьм. Не ходи за Северный лес. Не подходи к старым руинам. Не открывай дверь, если ночью стучат три раза. Теневые заберут тебя и утащат за Стену.

Потом мы выросли.

И сказки стали историей.

Потом история стала политикой.

А теперь политика стояла в центре зала, показывала красную точку на карте и говорила, что двое дозорных мертвы.

— Это подтверждено? — спросила женщина из верхнего ряда. Кажется, одна из Хранителей Времени.

— Тремя независимыми проверками. Рунниками Ложи, дозорными Стихийного Клана и моей собственной менталь-

ной экспертизой места нападения.

Я медленно выдохнула.

Собственная ментальная экспертиза.

Конечно.

Он не просто получил отчёт.

Он сам туда пошёл.

Я почему-то представила его у Барьера до рассвета. В мокром плаще. Среди камней, крови и сломанных печатей. Стоящего там с тем же спокойным лицом, пока все остальные смотрят на него и ждут решения.

Очень неудобный образ.

Совершенно лишний.

Я попыталась вытолкнуть его из головы и вместо этого сосредоточилась на карте.

— Для тех, кто нуждается в напоминании, — сказал Магнус, и в его голосе появилась сталь, — Северный барьер был создан после Первой Войны как граница между нашим миром и Теневой стороной. Пятьсот лет он держал. Пятьсот лет ни один подтверждённый прорыв Теневых не доходил до жилых территорий Вальтерры.

Проекция изменилась.

Карта сменилась старым изображением.

Северная Стена.

Не каменная, как на детских картинках.

Магическая.

Светящаяся линия между горными хребтами, созданная

из печатей, обетов, артефактов и силы поколений. В её основании вспыхнули имена старых кланов. Некоторые я знала. Некоторые видела впервые. Один знак был стёрт.

Я почувствовала, как Мара рядом напряглась сильнее.

— Барьер был построен первым кругом Магистров под руководством Ариадны Талассии, — продолжил Магнус. — И укреплён кланами Афины, Деметры и Гекаты. Он питается не только личной силой дозорных и печатями Ложи, но и Узлом мира под северными горами.

При словах «Ариадна Талассия» зал будто выпрямился. Смешно, конечно.

Люди не любят признавать, что мёртвые женщины всё ещё умеют заставлять их держать осанку.

Но Ариадна была не просто исторической фигурой.

Она была фундаментом.

Первым Магистром.

Основательницей Ложи.

Женщиной, которая после Первой Войны отказалась от трона и вместо этого создала систему, пережившую королей, государства, роды и большинство человеческих заблуждений.

Её портрет висел над северным входом в зал. Я заметила его ещё раньше: высокая женщина с почти чёрными волосами и серебристо-белой прядью, проходящей от виска через всю густую массу волос. Зелёные глаза. Холодные. Яркие. Такие, будто художник писал не женщину, а решение, при-

нятое без права на сожаление.

Я посмотрела на портрет.

Потом на Магнуса.

Сходство было не внешним.

Глубже.

В этой неподвижности. В этой опасной собранности. В этой способности стоять перед залом так, будто цена любых решений уже известна заранее, но платить всё равно придётся.

— Узел мира? — тихо переспросила Мара рядом со мной.

Астра наклонилась к ней.

— Место, где древняя магия особенно плотная. Ложа стоит рядом с самым сильным известным Узлом. Поэтому Барьер вообще смогли удерживать так долго.

— То есть мы построили крепость прямо на магическом вулкане, — прошептала я.

Астра медленно повернула голову.

— Это очень грубое упрощение.

— Но образное.

— И тревожно точное, — добавила Клео. — Неофициально, конечно. Если кто-то спросит, я не говорила. У рунников свои нежные чувства к терминологии.

На помосте проекция снова изменилась.

Теперь над ним висело изображение повреждённого участка Барьера. Сначала я видела только переплетение светящихся линий, рун и геометрических печатей. Потом Маг-

нус сделал едва заметное движение пальцами, и часть изображения увеличилась.

По защитному слою шла трещина.

Тонкая.

Неровная.

Почти красивая.

Слишком серебристая.

Я почувствовала, как воздух застрял в горле.

Трещина напоминала линию на стекле в комнате Мары.

Линию в воде под мостом.

Линию, которую я видела иногда в картах, когда расклад выпадал не так, как должен.

Магнус смотрел на зал, но на мгновение мне показалось, что его взгляд скользнул по нашему ряду.

Не задержался.

Но всё же.

Я выпрямилась.

Просто на всякий случай.

— Это не обычное повреждение, — сказал он. — Барьер не сломан. Он изменён. Часть защитного слоя была переплетена чужой магией изнутри структуры.

Клео почти беззвучно прошептала:

— Я же говорила.

Астра услышала и напряглась.

— Это значит, что кто-то знал схему Барьера, — сказал Кассиан. — Или имел доступ к старым чертежам.

— Не только к чертежам, — ответил Магнус. — К принципу создания.

Зал снова зашумел.

На этот раз сильнее.

— Невозможно, — сказал кто-то из рунников.

— Возможно, если архивы Первой Войны скомпрометированы, — возразила женщина из клана Афины.

— Или если Теневые сохранили знания, которые мы считали утраченными, — произнесла Сивилла Мора.

— Теневые пятьсот лет были заперты за Стеной, — резко сказал представитель Стихийников. — Они не могли получить доступ к нашим печатям.

— Судя по тому, что мы сидим здесь, они могли многое, чего не должны были, — вставила я себе под нос.

Мара услышала.

И уголок её губ дрогнул.

Маленькая победа.

Магнус поднял руку.

Не резко.

Просто поднял.

Шум оборвался.

Я уставилась на него.

Нет, это уже неприлично.

Так нельзя просто входить, говорить и заставлять целый зал взрослых магов вести себя как ученики, которых поймали с запрещённым зельем в подвале.

— В данный момент у нас нет доказательств, что Барьер был повреждён при помощи информации из архивов Ложи, — сказал он. — Но мы проверим такую возможность.

Клео рядом бесшумно изобразила: «Вот теперь они точно всё закроют».

Лилит Торн умела читать губы, жесты и чужую панику. Особенно если паника была спрятана под рыжими волосами и кучей карманов.

Я наклонилась к ней.

— Твои мастерские под угрозой?

— Моя свобода под угрозой. Это куда серьёзнее.

— Соболезную.

— Не издевайся. Если они закроют доступ к старым рунам, я начну страдать вслух.

— Ужасно для всех.

— Именно.

На помосте Магнус продолжил:

— С этого момента вводится временный режим закрытого контура. Вальтерра остаётся под наблюдением. Обычные жители не должны знать о повреждении Барьера, пока Совет не примет решение о степени угрозы. Паника навредит больше, чем молчание.

Мара тихо выдохнула.

Я вспомнила, как она в машине смотрела на людей за окнами. На пекарню. На женщину с ребёнком. На мокрые улицы, которые ещё верили, что ночь закончится обычным

утром.

«Пусть живут», — сказала она.

И сейчас я впервые за долгое время была с ней полностью согласна.

— Все кланы обязаны усилить внутренние защиты, — продолжил Магнус. — Стихийный Клан берёт на себя патрулирование городских границ и правого берега. Провидцы — мониторинг знаков, снов, аномальных предсказаний и всплесков вероятностной магии. Хранители Времени проверяют временные отпечатки на месте нарушения. Рунники и артефакторы немедленно начинают анализ повреждённого слоя Барьера.

— А Ложа? — спросила Сивилла Мора.

Магнус посмотрел на неё.

— Ложа отвечает за всё.

Простая фраза.

Без пафоса.

Без попытки впечатлить.

И всё равно на несколько секунд зал стал ещё тише.

Я не хотела восхищаться.

Принципиально.

Восхищение мужчинами с высоким титулом часто приводит к глупым решениям, плохим стихам и очень дорогой терапии.

Но, к сожалению, мой мозг признал: фраза была сильная.

Раздражающе сильная.

Я скрестила руки на груди.

Мара покосилась на меня.

— Что? — прошептала я.

— У тебя лицо человека, который нашёл себе новую проблему.

— У меня лицо человека, который осуждает управленческий стиль.

— Разумеется.

— Не начинай.

— Я молчу.

— Ты молчишь слишком выразительно.

Клео наклонилась к Маре.

— Это у неё от потрясения. Магнус производит такой эффект. Сначала люди думают: «Какой холодный зануда». Потом он делает что-нибудь вроде пузыря превратности на весь зал, и они такие: «Ладно, возможно, зануда с навыками».

— Я всё ещё здесь, — прошептала я.

— Мы знаем, — сказала Мара. — Наслаждаемся.

Астра не обернулась, но её рука легла мне на колено.

Тихо.

Коротко.

Придавила.

Перевод с языка Астры: «Ещё слово — и я лично запечатаю тебе рот».

Семейная нежность во всей красе.

На помосте Магнус сделал паузу.

И именно эта пауза показалась мне важнее предыдущих слов.

Он не искал формулировку.

Он решал, сколько сказать.

Это разные вещи.

И мне стало очень интересно, что именно он оставит при себе.

— Есть ещё один факт, — произнёс он наконец. — За шесть часов до нападения на северо-восточный участок Барьера в городе были зафиксированы три магические аномалии.

В зале снова зашевелились.

Моё сердце неприятно стукнуло.

Не знаю почему.

Просто стукнуло.

— Первая — на Каменном мосту. Кратковременный всплеск древней магии под руслом Алетры. Вторая — у Старого рынка, в районе закрытых лавок с ритуальными предметами. Третья...

Он на секунду опустил взгляд на пергамент, лежащий на краю помоста.

Только на секунду.

Но мне хватило.

— Третья — в правобережном жилом секторе.

Я перестала дышать.

Правобережный жилой сектор был большим.

Очень большим.

Там жили сотни людей.

Тысячи.

Но почему-то я сразу подумала о нашем доме.

О лунном жасмине на подоконнике.

О серебристом дыме над котлом.

О том, как Мара смотрела на светящийся цветок и говорила: «Лунный жасмин не должен светиться».

Я медленно повернула голову к Астре.

Она уже смотрела на меня.

Лилит Торн не всегда была ответственной.

Не всегда внимательной.

Иногда я забывала ингредиенты, теряла списки, спорила с дверями, взрывала кухни и считала, что «примерно» — это допустимая единица измерения.

Но своих сестёр я замечала всегда.

Астра побледнела ровно настолько, чтобы это увидела только семья.

Мара застыла.

Рейна в нижнем ряду очень медленно сжала пальцы.

Значит, не только я подумала о доме.

Клео, к счастью или к несчастью, тоже была слишком умной.

— У вас что-то случилось? — прошептала она.

— Нет, — ответила Астра слишком быстро.

Клео посмотрела на неё.

Потом на меня.

Потом на Мару.

— То есть случилось.

— Не сейчас, — сказала Астра.

— Это становится моим наименее любимым ответом вчера.

Магнус продолжал:

— Мы не можем утверждать, что эти аномалии связаны с атакой. Но совпадений в кризисных ситуациях не бывает. Поэтому с этого момента любые неучтённые магические всплески в городе должны быть немедленно зарегистрированы и переданы в Ложу.

Мара опустила взгляд.

Я видела, как её пальцы сжались на краю сиденья.

До белых костяшек.

Воздух вокруг неё едва заметно потеплел.

Я осторожно коснулась её локтя.

Она не посмотрела на меня.

Но не отстранилась.

— И последнее, — сказал Магнус.

Слова прозвучали так, что даже мой внутренний монолог решил на секунду заткнуться.

— До выяснения обстоятельств никто из присутствующих, чьи семьи связаны с ключевыми клановыми линиями Вальтерры, не покинет территорию Ложы без разрешения Совета.

Вот тут зал взорвался.

Не буквально.

Хотя, честно говоря, я была готова помочь.

Голоса поднялись сразу со всех сторон.

— Это незаконное ограничение!

— Наши дома нуждаются в защите!

— Вы хотите держать нас здесь?

— Семьи должны быть предупреждены!

— У нас есть право знать основания!

Пузырь превратности удерживал шум внутри, но не смягчал его. Голоса бились о прозрачную границу, возвращались обратно, смешивались под куполом. Звёзды над нами стали холоднее.

Я повернулась к Астре.

— Он только что сказал, что мы не можем уйти?

— Он сказал, что никто из ключевых линий не покинет территорию без разрешения.

— Ас, ты сейчас звучишь как юридически подкованная тюрьма.

— Я пытаюсь понять формулировку.

— А я уже поняла эмоциональный смысл. Нас заперли.

Мара тихо сказала:

— Дом.

Одно слово.

И мне стало холодно.

Наш дом остался там.

У леса.

С закрытыми печатями.

С живыми стенами.

С лунным жасмином, который не должен был светиться.

А мы здесь.

Под куполом.

В пузыре.

С Верховным Магистром, который только что очень спокойно объявил, что свобода передвижения временно умерла во имя безопасности.

Не люблю безопасность, когда она так похожа на клетку.

Я поднялась бы.

Честно.

Уже почти.

Но Астра схватила меня за запястье.

Крепко.

— Сядь.

— Он не имеет права.

— Лилит.

— Астра, если ты скажешь мне успокоиться, я укушу.

Она посмотрела мне в глаза.

В её взгляде не было раздражения.

Только напряжение.

И страх.

За меня.

За Мару.

За дом.

За всё, что она пыталась удержать с тех пор, как стала старшей сестрой раньше, чем должна была.

— Сядь, — повторила она тише. — Не здесь. Не так.

Это было нечестно.

Она использовала голос старшей сестры.

Тот самый, который бил не по логике, а прямо по привычке быть любимой и раздражённой одновременно.

Я села.

Но медленно.

С достоинством женщины, которую временно победили обстоятельства, а не здравый смысл.

Магнус всё это время молчал.

Он позволил залу шуметь.

Ровно столько, сколько счёл нужным.

Потом серебристая граница пузыря вдруг стала ярче.

Не сильно.

Просто достаточно.

Шум оборвался.

Не потому что люди захотели замолчать.

Потому что звук на секунду стал вязким. Тяжёлым. Слова потеряли силу, не долетев до соседних рядов. Ментальная магия. Тонкая. Точная. Без грубого давления, но с совершенно ясным посылом: хватит.

Я медленно повернула голову к Клео.

— Он сейчас что сделал?

— Очень вежливо поставил всем кляп, — прошептала она, сияя от ужаса и восторга одновременно. — Технически временно. Технически не кляп. Технически я хочу разобрать это заклинание на части и посмотреть, как оно устроено.

— Клео.

— Что? Если оно работает, значит, его можно понять.

— А если оно взорвётся?

— Тогда тоже можно понять. Просто быстрее.

Я посмотрела на Магнуса.

Теперь уже без шуток.

Он стоял всё так же спокойно, но в его лице появилось что-то жёсткое. Не жестокое. Именно жёсткое. Как у человека, который заранее знает, что его будут ненавидеть за правильное решение, и всё равно принимает его.

— Это не арест, — сказал он. — Это защитная мера. На территории Ложи вы находитесь под сильнейшими печатями известного мира. За пределами Ложи мы пока не можем гарантировать безопасность ни вам, ни вашим семьям, ни городу.

— А если угроза уже внутри? — спросил кто-то из провидцев.

Очень хороший вопрос.

Отвратительно хороший.

Магнус повернулся к нему.

— Тогда мы найдём её быстрее, чем она поймёт, что её ищут.

Я невольно выдохнула.

Ладно.

Это было красиво.

Ненавижу.

Лилит Торн не была создана для восхищения мужчинами, которые говорят как закрытые двери и смотрят так, будто уже просчитали все твои ошибки на неделю вперёд.

Но интерес...

Интерес был другое дело.

Интерес не обязывал.

Интерес можно было объяснить любопытством, стрессом, профессиональным восхищением чужой демонстрацией силы и общей любовью к опасным людям, которую я, разумеется, отрицала как сознательная женщина.

Магнус опустил руку, и проекция Барьера погасла.

В зале стало темнее.

Только звёзды над куполом и серебристая плёнка пузыря продолжали светиться.

— Через час представители кланов получают распределение по секциям Ложи, — сказал он. — До этого времени никто не покидает зал без разрешения стражей. Целители пройдут к лечебному крылу после завершения заседания. Артефакторы и рунники будут допущены к материалам повреждённого участка под наблюдением Магистров. Провидцы передадут все сны, знаки и предчувствия последних семи дней в закрытый архив.

Лилит Торн, которая последние семь дней видела в картах башню, ворота, корону и тень, очень резко вспомнила, что иногда молчание — тоже стратегия.

Я почувствовала, как в сумке, под складками ткани, нагрелась моя колода.

Слишком сильно.

Я медленно опустила ладонь на ремень сумки.

Карты будто дышали.

Нет.

Не сейчас.

Только не сейчас.

— Лил? — прошептала Мара.

Конечно, она заметила.

В нашей семье вообще никто не умел нормально скрывать проблемы, потому что остальные слишком хорошо знали, как они выглядят до того, как становятся катастрофами.

— Всё прекрасно, — сказала я с улыбкой. — Просто мои карты решили поучаствовать в политической жизни.

Мара смотрела на меня так, будто очень хотела поверить.

И не могла.

Я не винила её.

Сама бы не поверила.

На помосте Магнус сделал последний шаг вперёд.

— Я понимаю, что многие из вас хотят ответов. Они будут. Но я не стану утешать вас ложью. Сегодня ночью Барьер был повреждён. Теневые оставили следы у нашей гра-

ницы. Дозорные мертвы или пропали. В городе зафиксированы аномалии. Это не учения. Не политический кризис. Не спор между кланами.

Он сделал паузу.

И впервые за всё время его голос стал чуть ниже.

Не громче.

Глубже.

— Это угроза всему магическому миру.

Тишина после этих слов была такой плотной, что её можно было потрогать.

И я вдруг поняла, что за холодом, за контролем, за ментальными щитами, за этой раздражающей способностью заставлять весь зал слушать, Магнус Талассия не просто управлял.

Он держал.

Ложу.

Совет.

Панику.

Страх сотен людей.

И, возможно, самого себя.

Он держал всё это так крепко, что казался не человеком, а частью архитектуры Ложы.

Камнем.

Сталью.

Запертой дверью.

Я посмотрела на него и подумала: интересно, что случит-

ся, если однажды эта дверь откроется.

Потом сразу же мысленно ударила себя по лбу.

Нет.

Никаких дверей.

Никаких метафор.

Никакого интереса к Верховному Магистру, который только что фактически запер нас в Ложе.

Я повернулась к Клео.

— Скажи что-нибудь отрезвляющее.

Она не отрывала взгляда от помоста.

— У него, по слухам, ужасный характер.

— Слабовато.

— Он почти не спит, пьёт слишком крепкий кофе и доводит до слёз секретарей правками в отчётах.

— Лучше.

— А ещё однажды заставил Совет пересматривать бюджет четыре часа подряд, потому что кто-то спрятал расходы на новую обсерваторную линзу в разделе «прочее».

Я приложила ладонь к груди.

— О, Богини. Он чудовище.

— Я старалась.

Мара тихо фыркнула.

Астра снова прижала пальцы к переносице.

Дамиан посмотрел на нас так, будто не знал, лечить ли наше нервное напряжение или просто отойти на безопасное расстояние.

А на помосте Магнус поднял взгляд к звёздному куполу.

На одну секунду.

Всего на одну.

Но мне показалось, что в этот миг он выглядел не как Верховный Магистр.

А как мужчина двадцати девяти лет, которому только что в очередной раз напомнили, что мир может рухнуть именно в его смену.

Потом эта трещина исчезла.

Лицо снова стало спокойным.

Дверь закрылась.

— Заседание продолжается в закрытом режиме, — сказал он. — Теперь к деталям.

И где-то под моей ладонью колода карт стала горячей, как живая.

Глава 7

POV: Лилит

К восьми утра я относилась с глубоким недоверием.

Вообще ко всему, что происходило до десяти, я относилась как к сомнительной инициативе людей, которым никто в детстве не объяснил ценность сна. Мир, на мой взгляд, становился пригодным для общения примерно после второй чашки кофе, третьего глубокого вдоха и хотя бы одного обоснованного комплимента.

Но, разумеется, у Великой Ложи было своё мнение.

У Великой Ложи вообще было слишком много мнений.

И почти все они раздражали.

— Завтра в восемь утра, — произнёс Магнус Талассия с центрального помоста, как человек, который не видит в этой фразе ничего преступного, — все присутствующие собираются в этом зале.

Я медленно повернула голову к Клео.

Клео медленно повернула голову ко мне.

Мы посмотрели друг на друга с тем молчаливым ужасом, который доступен только людям, искренне верящим, что раннее утро — это не время суток, а форма наказания.

— В восемь, — прошептала я.

— Я слышала.

— Утра.

— К сожалению, слух у меня работает.

— Они хотят, чтобы мы спасали мир до завтрака?

Клео поморщилась.

— Технически он сказал после завтрака.

— В восемь утра завтрак ещё не существует. Это просто печальная еда в темноте.

Мара рядом тихо фыркнула.

Астра, конечно, услышала.

— Лилит, — прошептала она, не поворачивая головы. — Если тебя сейчас услышит весь Совет, я сделаю вид, что мы не родственницы.

— Поздно. У нас общая фамилия, детские фотографии и одинаково травмирующий опыт жизни с твоими списками.

— Я могу попросить Ложу выдать тебе отдельную фамилию.

— Наконец-то государственная поддержка.

Магнус продолжал говорить, и, что самое раздражающее, зал продолжал слушать.

— По моему распоряжению в Ложу приглашён специалист по истории Теневой стороны и Первой Войны. Доктор Серафим Лисандр прибудет к утру. Его исследования остаются спорными, но на данный момент он один из немногих живых историков, который посвятил последние двадцать лет изучению Теневых, их языка, сохранившихся хроник и воз-

возможной структуры их общества.

В зале поднялся сдержанный шум.

Я выпрямилась.

Историк.

Который изучал Теневых.

И знал о них достаточно, чтобы Магнус Талассия, человек, способный запереть целый зал в магическом пузыре и не моргнуть, счёл нужным вызвать его среди ночи.

Интересно.

Очень неприятно интересно.

— Присутствовать обязаны все, — добавил Магнус.

Голоса снова стихли.

Он стоял под звёздным куполом всё такой же собранный, спокойный, с этим своим лицом закрытой двери, за которой, вероятно, хранились стресс, кофе и эмоциональная недоступность в промышленных объёмах.

— Это не лекция, — сказал он. — Это инструктаж по выживанию. Незнание в ближайшие дни может стоить вам жизни.

Вот это уже было грубо.

Не по форме.

По сути.

Я почувствовала, как внутри стало холоднее.

Мара перестала улыбаться.

Эвелин тихо выдохнула.

Дамиан прикрыл глаза на секунду, будто уже считал буду-

щих раненых.

Астра ничего не сказала. Но её рука легла на ремень сумки — туда, где лежали зелья, защитные флаконы и, скорее всего, ещё пять способов не умереть, аккуратно подписанных и рассортированных.

Я вдруг разозлилась.

Не на Магнуса.

Ладно, немного на Магнуса тоже.

Но в первую очередь на ситуацию. На этот зал. На холодные звёзды над головой. На то, что ещё утром я пряталась под одеялом Мары от Астры, потому что испортила кашемировый свитер, а теперь какой-то историк должен был рассказать мне, как не погибнуть от существ, которыми пугали детей.

Жизнь, конечно, любила драму.

Но могла бы иногда соблюдать чувство меры.

Магнус опустил ладонь на край помоста.

— До утра все кланы размещаются в отведённых крыльях. Передвижение по Ложе ограничено. Внешние выходы закрыты. Стража проводит сопровождение до жилых секций. Главы кланов останутся для короткого совещания.

Я заметила, как Кассиан чуть повернул голову к Рейне.

Тётя кивнула.

Очень коротко.

Очень сдержанно.

И мне это не понравилось.

Слишком много взрослых сегодня переглядывались так, будто между ними ходили старые призраки, которых нам не представляли.

— После распределения покоев никто не покидает крыло без необходимости, — продолжил Магнус. — Если необходимость возникнет, сообщаете стражам. Любые аномалии, видения, резкие всплески магии, странные сны, нарушения работы амулетов или защитных печатей докладываются немедленно.

Клео подняла руку.

Я уставилась на неё.

Астра тоже.

Магнус перевёл на неё взгляд.

— Клеодора Валентис.

— Если артефакт странно работает всегда, это считается аномалией или личной особенностью? — спросила она с искренней заинтересованностью.

На секунду зал словно перестал дышать.

Я медленно закрыла глаза.

Боги, как я её понимала.

Магнус смотрел на Клео без тени улыбки.

Вообще.

Ни одной.

И именно поэтому мне стало смешно.

Он выдержал паузу.

— Если артефакт создан вами, Валентис, докладывайте о

любом изменении, которое не сопровождается взрывом.

— А если сопровождается?

— Тогда сначала убедитесь, что рядом нет пострадавших.

Клео просияла.

— Разумный подход.

— И передайте артефакт старшему руннику.

Улыбка Клео погасла.

— Жестокий подход.

В зале кто-то тихо кашлянул, скрывая смешок.

Я с трудом удержалась.

Магнус уже смотрел дальше, будто только что не поучаствовал в самом сухом юмористическом обмене последних суток.

Ненавижу, когда у людей есть чувство юмора, но они используют его экономно.

Это нечестно.

Заседание завершилось не сразу.

Сначала Магнус распределил дежурства между кланами. Стихийники получали усиленное патрулирование внешнего периметра города и правого берега. Провидцы — регистрацию всех снов и знаков за последнюю неделю, что лично у меня вызвало желание немедленно сжечь свою колоду или притвориться, что она принадлежит Маре. Хранители Времени должны были отправить группу к повреждённому участку Барьера. Рунники и артефакторы — начать анализ печатей под контролем Ложи.

Клео выглядела так, будто её одновременно лишили свободы, сна и доступа к любимым игрушкам.

— Если они не пустят меня к повреждённым рунам, — прошептала она, — я совершу что-нибудь научно обоснованное и эмоционально незрелое.

— Например? — спросила я.

— Пока не знаю. Но, вероятно, это будет связано с вентиляцией.

— Предупреди заранее. Я хочу быть в безопасной зоне и с кофе.

— Разумно.

Когда пузырь превратности начал растворяться, я почувствовала это кожей.

Серебристая граница вокруг зала истончилась, будто плёнка на поверхности воды. Сначала вернулся далёкий шум дождя. Потом — гул воды где-то внизу Ложи. Потом — обычные звуки зала: шорох одежды, скрип сидений, сдержанные голоса, шаги стражей.

Мир снова стал слышимым.

И почему-то от этого стало тревожнее.

Под пузырём мы были заперты.

Без него — открыты.

Не знаю, какой вариант нравился мне меньше.

— Поднимаемся, — сказала Рейна, оборачиваясь к нам.
— Держимся вместе.

— Я чувствую, эта фраза сегодня станет семейным девизом.

зом, — пробормотала я.

— Семейный девиз у нас давно другой, — сказала Мара, поднимаясь. — «Что на этот раз сделала Лилит?»

— Клевета, основанная на статистике.

Астра поправила пальто.

— Именно поэтому она так убедительна.

Эвелин улыбнулась и подхватила свою сумку.

— Я пойду с вами. Нам всё равно в одно крыло.

— Прекрасно, — сказала я. — Чем больше свидетелей, тем меньше шанс, что Астра незаметно сдаст меня Ложе за нарушение утреннего режима.

— Я не сдаю родственников, — сказала Астра.

— Потому что любишь нас?

— Потому что документы займут слишком много времени.

Дамиан, шедший рядом с ней, тихо усмехнулся.

— Убедительная причина.

— Практичная, — поправила Астра.

Они переглянулись.

Коротко.

Почти незаметно.

Но я, в отличие от некоторых, не была слепой.

Астра рядом с Дамианом становилась не мягче. Нет. Астра вообще не из тех людей, которые внезапно становятся мягкими, как булочка с корицей. Но у неё исчезало то постоянное напряжение в плечах, будто она ждала удара со сторо-

ны мира и уже заранее решила, чем его отбивать.

С Дамианом она позволяла себе не отбивать.

Иногда.

На полвдоха.

Что для Астры равнялось эмоциональной откровенности уровня «доверяю тебе свою жизнь и, возможно, свой список дел».

Мы вышли из зала вместе с потоком Стихийников.

Коридоры Ложи после заседания казались ещё длиннее. Звуки возвращались странно: шаги, голоса, скрип дверей, шелест мокрых плащей, глухое эхо воды за стенами. В воздухе пахло камнем, свечами, озоном и чем-то травяным — вероятно, от нас. Стихийники всегда приносили с собой запахи земли, дождя, дыма, ветра и растений. Даже если очень старались выглядеть цивилизованно.

Стражи направляли группы по разным крыльям.

Провидцы уходили в северо-восточную галерею. Я заметила Сивиллу Мору, которая разговаривала с молодым стражем так, будто тот был лично виноват во всех недочётах мироздания. Хранители Времени двинулись вверх по узкой лестнице, и мне показалось, что их шаги звучат на полсекунды позже, чем должны. Артефакторы спорили у прохода в восточное крыло, и Клео, конечно, уже начала двигаться в их сторону.

Я схватила её за рукав.

— Ты куда?

— Туда, где люди говорят о рунах, повреждении Барьера и, возможно, скрывают от меня интересные детали.

— Нам сказали идти в жилое крыло.

— Мне сказали много вещей за жизнь.

— Клео.

Она вздохнула так трагически, что Лилит Торн признала бы это достойным выступлением, если бы Лилит Торн не была мной.

— Ладно. Но если я умру от недостатка информации, передайте моим инструментам, что я любила их одинаково. Кроме третьей отвёртки. Она знает почему.

Мара посмотрела на меня.

— Теперь я понимаю, почему вы подруги.

— Потому что мы обе прекрасны?

— Потому что рядом с вами у хаоса появляется структура.

— Это звучит как комплимент от человека, который не умеет делать комплименты.

— Значит, береги.

Мы свернули в широкий коридор, ведущий к западному жилому крылу. Стихийников оказалось много, и движение шло медленно. Люди переговаривались вполголоса. Кто-то пытался дозвониться до семьи, но связь внутри Ложи либо не работала, либо работала выборочно, потому что каждый второй раздражённо смотрел в телефон. Старшие ведьмы обсуждали патрули. Молодые пытались шутить и не выглядеть напуганными.

Получалось у всех плохо.

Я поправила сумку на плече и вдруг почувствовала, что карты внутри снова тёплые.

Не горячие, как в зале.

Но тёплые.

Живые.

Я сжала ремень сильнее.

Нет.

Завтра.

После сна.

После кофе.

После того, как кто-нибудь объяснит мне, почему мир решил вести себя как плохой расклад.

— Лилит?

Голос Мары был тихим.

Я повернулась к ней и немедленно надела улыбку.

Почти автоматически.

— Если ты сейчас спросишь, всё ли со мной в порядке, я отвечу очень убедительно и совершенно неискренне.

Она посмотрела на меня своим фирменным взглядом «я младшая, но могу морально похоронить тебя за одну секунду».

— Я хотела сказать, что у тебя сумка дымится.

Я резко опустила взгляд.

Из-под клапана действительно тянулась тонкая полоска голубоватого дыма.

— О.

Астра повернулась так быстро, будто всю жизнь ждала именно этого момента.

— Лилит.

— В мою защиту хочу сказать, что в этот раз я ничего не трогала.

— Это не делает ситуацию лучше.

Клео оживилась.

— Можно посмотреть?

— Нет, — хором сказали Астра, Мара и Дамиан.

Клео моргнула.

— Как синхронно. Немного обидно, но профессионально.

Я хлопнула ладонью по сумке.

Дым исчез.

— Видите? Всё под контролем.

Астра смотрела на меня.

— Твои карты реагируют?

— Они эмоциональные.

— Лилит.

— Да, реагируют. Но я пока не знаю на что. И прежде чем ты начнёшь читать мне лекцию о необходимости немедленно сообщить об этом Магнусу Талассии, напомню, что он только что запер нас в Ложе, назначил собрание на восемь утра и выглядит как человек, который не оценит мою тонкую душевную организацию.

Астра открыла рот.

Именно в этот момент поток людей впереди резко остановился.

Кто-то свернул не туда. Кто-то начал спорить со стражем. Кто-то уронил сумку. Коридор мгновенно превратился в медленную, раздражённую, мокрую от дождя пробку из ведьм, магов, амулетов и чужих нервов.

Я, конечно, не заметила этого вовремя.

Потому что была занята тем, что одновременно пыталась удержать сумку, спорить с Астрой взглядом и не думать о том, что мои карты только что решили подымить в общественном месте.

В результате я сделала шаг вбок.

И врезалась во что-то твёрдое.

Нет.

Не во что-то.

В кого-то.

Удар оказался не сильным, но достаточным, чтобы я потеряла равновесие. Пол под ногами скользнул. Браслеты звякнули. Сумка съехала с плеча.

Я уже успела представить, как красиво и позорно падаю прямо посреди коридора Великой Ложи, желательно под ноги какому-нибудь высокопоставленному Магистру, чтобы окончательно закрепить семейную репутацию.

Но не упала.

Чужая рука легла мне на талию.

Крепко.

Точно.

Без суеты.

Пальцы сжались поверх ткани куртки, и всё моё тело на секунду замерло, потому что прикосновение было неожиданно тёплым. Не мягким. Не нежным. Просто уверенным. Таким, от которого мир резко перестаёт крениться.

Меня удержали.

Я подняла голову.

И встретилась взглядом с Магнусом Талассией.

О, Богини.

Вот так.

Без подготовки.

Без предупреждения.

Без возможности заранее поправить волосы и выбрать выражение лица, которое говорило бы: «Я совершенно не впечатлена и, кстати, это вы стояли на моём пути».

Он был ближе, чем на помосте.

Намного ближе.

Слишком близко.

Так близко, что я увидела не только серо-зелёный цвет его глаз, но и тонкие тени под ними, едва заметную щетину на чёткой линии челюсти, каплю дождя, застывшую у виска, будто он тоже успел пройти через двор после заседания. От него пахло холодным воздухом, пергаментом, древесным дымом и чем-то горьким — возможно, тем самым слишком крепким кофе, о котором говорила Клео.

Воздух вокруг стал странно неподвижным.

Не плотным, как в пузыре превратности.

А тихим.

Как перед тем, как кто-то перевернёт карту.

Я не влюбилась.

Разумеется, нет.

Лилит Торн не влюблялась от одного столкновения в коридоре, даже если мужчина выглядел так, будто лично подписывает указы о запрете хаоса, а потом тайно забывает поесть.

Но интерес...

Интерес, к сожалению, поднял голову.

И сказал: «Любопытно».

Магнус смотрел на меня без выражения.

Совершенно.

Ни удивления.

Ни раздражения.

Ни даже намёка на то, что я только что впечаталась в него всем своим существованием.

Это было оскорбительно.

— Я... — начала я.

Не знаю, что именно собиралась сказать.

Возможно: «Спасибо».

Возможно: «Вы стояли на дороге».

Возможно: «У вас ужасное расписание, и я осуждаю восемь утра».

Я не успела выбрать.

Магнус молча убедился, что я стою ровно.

Потом убрал руку с моей талии.

От прикосновения остался странный тёплый след, как если бы ткань всё ещё помнила его пальцы. Кожа под ней отозвалась лёгким покалыванием, и это было настолько не вовремя, что я немедленно на себя разозлилась.

Он чуть отступил.

Одним движением сдвинул меня в сторону — не грубо, но совершенно без обсуждения, как если бы я была частью коридорной логистики.

И прошёл дальше.

К Кассиану.

Не сказав мне ни слова.

Ни одного.

Вообще.

Я осталась стоять посреди коридора с открытым ртом.

Лилит Торн.

Без слов.

Исторический момент.

Мара медленно повернулась ко мне.

В её глазах уже жило нечто преступно весёлое.

— Он тебя передвинул.

— Я заметила.

— Как предмет мебели.

— Спасибо, Мара. Твоя поддержка, как всегда, согревает.

Клео выглядела так, будто ей только что подарили лучший день в жизни.

— Он тебя поймал.

— А потом переставил.

— Но сначала поймал.

— Клео.

— Я просто фиксирую факты. Как учёный.

Астра смотрела на меня слишком внимательно.

— Ты в порядке?

— Физически — да. Морально я только что была классифицирована как препятствие на маршруте Верховного Магистра.

Дамиан кашлянул.

Кажется, скрывал смех.

Эвелин уже даже не скрывала.

— Лил, ты покраснела.

— Это гнев.

— Конечно.

— Чистый, благородный, стихийный гнев.

Мара наклонилась ко мне.

— Воздух, да?

— Заткнись.

— Очень зрелая реакция.

— У меня был тяжёлый вечер, я имею право.

Тем временем Магнус уже стоял перед Кассианом, будто ничего особенного не произошло.

Конечно.

Почему бы ему вообще считать столкновение со мной событием? Он, вероятно, каждый день ловит падающих ведьм, запирает залы в пузырь превратности, делает ужасные заявления и переносит людей по коридору без слов.

Обычная среда.

— Глава Арден, — сказал он.

Я всё ещё ненавидела его голос за то, что он звучал так спокойно.

Кассиан остановился.

Рейна рядом с ним тоже.

— Магистр.

— Мне нужно несколько минут вашего времени. Сейчас.

Кассиан внимательно посмотрел на него.

— В моём кабинете или вашем?

— В северном крыле. Вопрос касается дозорных и старых клановых записей.

На лице Кассиана ничего не изменилось.

Но я увидела, как напряглась Рейна.

Опять.

Взрослые и их тайные переглядывания когда-нибудь сведут меня в могилу. Желательно после десяти утра.

— Я подойду, — сказал Кассиан. — Рейна, проводи девочек в крыло. Дамиан, Эвелин, останьтесь с ними до распределения комнат.

— Конечно, — ответил Дамиан.

Магнус кивнул.

Кассиан пошёл с ним.

Они двинулись по боковому коридору, и люди расступались перед ними почти сразу. Один — глава Стихийного Клана, каменный, усталый, с болью, спрятанной так глубоко, что она всё равно проступала в глазах. Второй — Верховный Магистр, холодный, молодой, слишком собранный для человека, которого должны были бы сломать последние сутки.

Я смотрела им вслед.

Не потому что смотрела на Магнуса.

Разумеется.

Просто направление было интересное.

— Лилит, — сказала Астра.

Я моргнула.

— Что?

— Идём.

— Я иду.

— Ты стоишь.

— Я морально иду.

Мара хмыкнула.

— Её передвинули, и теперь она перезагружается.

— Ещё одно слово, и я расскажу Эвелин, как ты в шестнадцать лет пыталась вызвать духа по рецепту из подросткового журнала.

Эвелин резко оживилась.

— Что?

Мара побледнела.

— Это была исследовательская ошибка.

— Это была свеча из супермаркета и фраза «кажется, нам нужен козий сыр», — сказала я.

— Козий сыр был в списке ингредиентов.

— Это был список для салата!

Лилит Торн снова обрела голос.

Мир мог выдохнуть.

Мы наконец двинулись дальше.

Западное жилое крыло оказалось не таким мрачным, как я ожидала.

И это почти расстроило.

После залов Совета, холодных коридоров и взгляда Магнуса Талассии, который мог бы заморозить кипящий чай из чистого принципа, я ожидала что-то вроде каменных келий для магов, добровольно отказавшихся от радости.

Но крыло Стихийников выглядело теплее.

Длинный коридор с тёмным деревянным полом, ковры глубокого зелёного и охристого оттенков, бронзовые светильники, большие окна в нишах, за которыми темнел лес. На стенах висели гобелены с изображением четырёх стихий: горы, реки, пламени и вихря. Воздух пах травами, влажной землёй, чистым бельём и слабым дымом от каминов.

— Неплохо, — признала я.

— По твоим меркам это восторг? — спросила Эвелин.

— По моим меркам это «я пока не нашла, к чему при-

даться».

— Прогресс.

Комнаты распределяли быстро. Стражи Ложи стояли у входа в крыло, сверяя имена с зачарованной пластиной. Когда называли фамилию, на бронзовой табличке у двери вспыхивал соответствующий знак.

Торн.

Арден.

Рейна говорила со старшей ведьмой нашего клана, уточняя защитные печати. Астра сразу начала осматривать коридор: окна, двери, расположение лестниц, ближайшие выходы. Мара стояла чуть в стороне и смотрела на гобелен с огнём так, будто тот мог сказать ей что-то важное.

Я смотрела на дверь нашей комнаты и думала о кровати.

О прекрасной.

Горизонтальной.

Недооценённой человечеством кровати.

— Вам выделили смежные покои, — сообщил страж. —

Три спальни и общая гостиная. Госпоже Рейне — комната рядом. Арденны размещаются напротив.

— А Клео? — спросила я.

Клео уже подняла руку.

— Я официально не Стихийник, но неофициально могу быть очень полезной, если кому-то понадобится вскрыть замок, починить амулет или узнать, кто с кем спорил у восточной лестницы.

Страж посмотрел на неё без особого восторга.

— Клеодора Валентис размещается в восточном крыле артефакторов.

Клео схватилась за сердце.

— Разлучение. Жестоко, но ожидаемо.

— Ты переживёшь, — сказала Астра.

— Физически — да. Эмоционально — посмотрим.

Лилит, то есть я, великодушно протянула ей руку.

— Мы будем помнить тебя.

— Передай Лилит, что я любила её хаос, — сказала Клео Маре.

— Я стою рядом.

— Тем трагичнее момент.

Мы обнялись быстро, но крепко. От Клео пахло озоном, металлом и апельсиновыми карамельками. Из её кармана мне в ладонь что-то выпало.

Я посмотрела вниз.

Маленький круглый амулет из меди и стекла.

— Это что?

— Если нажать, он подаст мне сигнал.

— А если нажать дважды?

Клео задумалась.

— Лучше не нажимай дважды.

— Почему?

— Потому что я пока не решила, что он делает на второй сигнал.

Астра издала звук, который мог означать как усталость, так и молитву.

— Клео.

— Что? Зато будет сюрприз.

— Ты ужасна, — сказала я с восхищением.

— Я знаю.

Она ушла в сторону артефакторов, помахав нам рукой, и почти сразу начала разговаривать с каким-то стражем о том, почему ей «чисто теоретически» нужен доступ к восточной лестнице после полуночи.

Мы вошли в наши покои.

И я вынуждена была признать: Ложа умела делать дорогие тюрьмы со вкусом.

Гостиная была просторной, с высоким потолком, тёмными балками, мягким ковром и большим камином, который уже горел ровным золотым огнём. У окна стояли три кресла и низкий столик с чайником, чашками и тарелкой маленьких медовых печений. На стенах — полки с книгами, несколько пейзажей Вальтерры и защитные знаки, вплетённые в резьбу так искусно, что обычный человек принял бы их за украшение.

Три двери вели в спальни.

Одна — в ванную.

Ещё одна — в маленькую гардеробную.

Всё было красиво.

Уютно.

И слишком тщательно подготовлено.

— Дорогая тюрьма, — сказала Мара.

Я всплеснула руками.

— Вот! Я знала, что ты меня поймёшь.

Астра уже осматривала окна.

— Печати на стекле.

— Конечно, печати на стекле, — сказала я, падая в кресло. — А вдруг я решу сбежать от восьми утра через окно?

— Это было бы в твоём стиле.

— Я не отрицаю возможность.

Эвелин вошла следом и сразу подошла к чайнику.

— Чай ещё горячий.

— Ложа умеет угрожать миру и обеспечивать сервис, — сказала Мара. — Баланс.

Дамиан поставил свою сумку у двери.

— Если кому-то станет плохо ночью, моя комната напротив.

— Ты не обязан дежурить даже во сне, — сказала Астра.

Он посмотрел на неё мягко.

— Я знаю.

— Но всё равно будешь.

— Вероятно.

— Дамиан.

— Астра.

Они посмотрели друг на друга.

Опять этот их безмолвный разговор людей, которые

слишком хорошо понимали чужую усталость.

Я подняла палец.

— Предлагаю официально запретить в этой комнате молчаливые диалоги, пока остальные вынуждены догадываться о содержании.

Эвелин села на подлокотник моего кресла.

— Поддерживаю. Некоторые из нас любят сплетни с контекстом.

Астра устало посмотрела на нас.

— Некоторые из вас должны лечь спать.

— Спать? — Я выпрямилась. — После того как нас заперли в Ложе, сообщили о Тневых, назначили встречу на восемь утра, мои карты дымятся, Клео вручила мне артефакт с неизвестной второй функцией, а Верховный Магистр использовал меня как переставляемый объект интерьера?

Мара медленно улыбнулась.

— Последнее тебя особенно задело.

— Потому что это невежливо.

— Он тебя поймал.

— А потом передвинул.

— Чтобы ты не упала.

— Чтобы пройти к Кассиану.

— Может быть, и то и другое.

Я ткнула в неё пальцем.

— Ты становишься опасно романтичной для человека с кладбищенской эстетикой.

— Я просто наблюдательная.

— Нет. Ты вредная.

— Семейная черта.

Рейна вошла в гостиную последней.

Выглядела она усталой.

Очень усталой.

И это напугало меня сильнее, чем хотелось признать. Тётя всегда была сердцем дома. Тихим, устойчивым, упрямым. Когда уставала Рейна, мир казался менее надёжным.

— На сегодня всё, — сказала она. — Разбирайте комнаты. Переоденьтесь. Постарайтесь поспать хотя бы несколько часов.

— Тётя, — начала Астри. — Что Магнус хотел от Кассиана?

Рейна задержала взгляд на ней.

Секунда.

Другая.

— Не знаю.

— Но предполагаешь.

— Астри.

— Если это связано с отцом...

Воздух в комнате изменился.

Тихо.

Мгновенно.

Даже огонь в камине будто стал ниже.

Рейна закрыла глаза.

Когда открыла, в них была та самая усталость, которую она обычно прятала от нас так бережно, будто считала её опасной.

— Сегодня слишком много связано с прошлым, — сказала она. — Но сейчас я прошу вас об одном: поспите. Завтра нам всем понадобятся силы.

Астра не выглядела удовлетворённой.

Но спорить не стала.

Пока.

Мара подошла к окну.

За стеклом темнел лес. Дождь снова превратился в тонкую серебристую сетку, стекающую по стеклу. Вдали, за башнями Ложи, глухо шумели водопады.

— Дом далеко, — тихо сказала она.

Никто не ответил сразу.

Потому что все подумали об одном.

О нашем старом доме у леса.

О живых стенах.

О призраках на чердаке.

О лунном жасмине, который светился, хотя не должен был.

Я встала и подошла к ней.

Встала рядом.

Не обняла.

Мара не всегда любила объятия, особенно когда внутри у неё было слишком много всего.

Но я коснулась её плечом.

Легко.

Так, чтобы она могла сделать вид, что это случайно.

— Он справится, — сказала я. — Наш дом слишком упрямый, чтобы позволить кому-то плохо себя вести без разрешения.

Мара усмехнулась.

Слабо.

— Это ты о себе?

— Я часть семейной традиции.

Астра подошла с другой стороны.

— Печати Рейны сильные. Мои тоже. Дом закрыт.

— И обижен, — добавила я. — Это усиливает его мотивацию.

Рейна посмотрела на нас троих.

И впервые за вечер её лицо смягчилось.

Совсем немного.

— Ваш отец сказал бы примерно то же самое.

Мы замолчали.

Имя отца легло между нами не болью.

Скорее теплом.

Старым.

Далёким.

Почти забытым, но всё ещё живым.

Потом Лилит Торн, то есть я, конечно, не выдержала.

— Учитывая, что отец, по семейным легендам, однажды

спорил с грозой и выиграл, я считаю, он бы поддержал моё мнение о доме.

Рейна улыбнулась.

По-настоящему.

Устало, но тепло.

— Он не выиграл. Он просто очень убедительно делал вид.

— Значит, это тоже семейная черта.

Мы разошлись по комнатам не сразу.

Сначала пили чай. Молча. Потом Лилит — то есть я, потому что от усталости начала думать о себе в третьем лице, что было тревожным симптомом, — съела два медовых печенья и заявила, что если Ложа планирует держать нас в плену, ей придётся улучшить десертную политику. Эвелин засмеялась. Мара впервые за час выглядела чуть живее. Астра сделала вид, что не слышит, но подвинула тарелку ближе ко мне.

Любовь в нашей семье часто выглядела как сарказм и еда.

Меня это устраивало.

Когда я наконец вошла в свою спальню, сил почти не осталось.

Комната была красивой, конечно. Высокое окно, тяжёлые шторы, кровать с тёмно-зелёным покрывалом, письменный стол, бронзовая лампа, маленькая ванная за боковой дверью. На подушке лежала веточка лаванды.

Я посмотрела на неё с подозрением.

— Если это заговор Астры, я не участвую.

Лаванда промолчала.

Я бросила сумку на кресло.

Она тихо звякнула.

Карты внутри больше не дымились, но когда я открыла клапан, от них всё ещё шло тепло. Я достала колоду и положила на стол. Потёртая рубашка карт в свете лампы казалась темнее обычного.

— Даже не думайте, — сказала я им. — Сегодня никаких предсказаний. Я официально закрыта на техническое обслуживание.

Карты, как и лаванда, не ответили.

Но верхняя карта сама чуть съехала в сторону.

Я застыла.

Сердце сделало неприятный рывок.

Нет.

Нет-нет-нет.

Я медленно положила ладонь на колоду и задвинула карту обратно.

— Завтра, — прошептала я. — После кофе.

Где-то за стеной тихо прошли шаги.

Потом стихли.

Ложа ночью не спала. Я чувствовала это. В стенах, в воздухе, в далёком шуме воды. Это здание жило своей старой, строгой жизнью, полной запертых дверей, чужих секретов и коридоров, где не стоило бродить без причины.

Я сняла браслеты.

Один за другим.

Звон металла казался слишком громким в тишине комнаты.

На талии всё ещё будто оставался след чужой руки.

Тёплый.

Точный.

Раздражающе реальный.

Я закрыла глаза и глубоко вдохнула.

— Он просто не дал тебе упасть, — сказала я себе. — А потом передвинул как стул. Никакой драмы.

Очень убедительно.

Почти.

Я переоделась, умылась холодной водой, которая пахла горным источником и серебром, и забралась под одеяло. Ткань была прохладной, гладкой, слишком дорогой для комнаты, где мне предстояло спать перед возможным концом привычного мира.

За окном шумел дождь.

Где-то далеко гудели водопады.

В соседней комнате, кажется, ходила Мара.

Ещё дальше тихо закрылась дверь — возможно, Астра проверяла коридор. Разумеется, проверяла. Она скорее уснула бы стоя, чем легла, не убедившись, что всё под контролем.

Я улыбнулась в темноту.

Потом вспомнила восемь утра.

И улыбка умерла.

— Ненавижу героизм до завтрака, — пробормотала я в подушку.

Но сон пришёл не сразу.

Перед глазами снова возник зал Совета.

Серебристый пузырь.

Карта Барьера.

Красная точка.

Трещина.

И серо-зелёные глаза Магнуса Талассии, который не сказал мне ни слова, но почему-то умудрился испортить мне весь внутренний порядок.

Я повернулась на бок и натянула одеяло выше.

Завтра должен был прийти историк, который знал о Теневых больше, чем кто-либо в этом зале.

Завтра нам должны были объяснить, как не умереть.

Завтра, возможно, всё станет хуже.

А пока Ложа дышала в темноте, старые стены хранили свои тайны, и моя колода карт на столе была тёплой, как маленькое живое сердце.

Я закрыла глаза.

И очень постаралась не слышать, как где-то в глубине коридора шепчет ветер.

Глава 8

POV: Астра

К восьми утра я уже устала.

Это было несправедливо.

День только начался, а я уже успела проверить защитные печати на окнах, убедиться, что дверь наших покоев действительно запирается изнутри, осмотреть коридор, найти два дополнительных выхода, один тупик, одну подозрительную нишу и выслушать семнадцать вариаций Лилит на тему того, что раннее утро противоречит её природе.

— Я просто хочу, чтобы это было зафиксировано официально, — сказала она, размешивая кофе так драматично, будто в чашке находилась не горькая жидкость, а её разрушенные надежды. — Правила Ложи идут вразрез с моим образом жизни.

— Твой образ жизни сложно назвать образом, — ответила я, аккуратно разрезая тост. — Это хаос во всех его проявлениях.

— Зато харизматичный хаос.

— От хаоса мне плохо.

— Но ты меня любишь, поэтому вынуждена терпеть вечный бунт моей природы.

Я подняла на неё взгляд.

Лилит сидела напротив меня за длинным столом в малом обеденном зале западного крыла. Волосы она собрала кое-как, но всё равно каким-то необъяснимым образом выглядела так, будто это было задумано. На запястьях звенели браслеты, серьги с бирюзой покачивались при каждом движении, а лицо выражало глубокую личную обиду на всех людей, причастных к существованию восьми утра.

— Не злоупотребляй любовью, — сказала я.

— То есть отрицать не будешь?

— Я слишком устала для эмоциональных признаний до завтрака.

— Но не слишком устала, чтобы осуждать меня.

— Осуждение требует меньше энергии. Особенно когда речь о тебе.

Мара тихо фыркнула.

Очень тихо.

Но я услышала.

И почему-то это короткое, почти незаметное движение её губ стало лучшим событием утра.

Она сидела рядом с Лилит, почти не притрагиваясь к еде. Перед ней стояла чашка чая, тарелка с омлетом, свежими травами и ломтиком тёплого хлеба. Еда пахла розмарином, сливочным маслом и чем-то мягким, домашним, почти издевательски уютным для места, где нас фактически держали под охраной.

Но Мара смотрела не на тарелку.

Она смотрела куда-то сквозь стол.

Уже который день подряд я наблюдала, как моя сестра превращается в собственную тень.

Медленно.

Почти незаметно для тех, кто не знал её так хорошо, как я.

Мара всегда была сложной. Закрытой. Упрямой. Слишком резкой там, где другие просили бы помощи. Слишком молчаливой там, где стоило хотя бы сказать: «Мне страшно». Она отрицала любой эмоциональный контакт с таким упорством, будто нежность была не поддержкой, а угрозой.

Так бывает, когда ребёнок слишком рано сталкивается со смертью.

Не просто со словом.

Не с отвлечённым понятием.

С потерей родителей.

С потерей опоры.

С моментом, когда все правила, на которых держался мир, внезапно оказываются бесполезными.

Я знала, о чём говорю.

Мы все трое лишились беззаботного детства.

Просто каждая выбрала свой способ выжить.

Я стала порядком.

Лилит стала смехом.

Мара стала огнём, который делал вид, что ему никто не нужен.

— Ты почти ничего не съела, — сказала я.

Мара медленно перевела на меня взгляд.

Зелёные глаза казались темнее обычного. Под ними за-
легли тени, а кожа была бледнее, чем вчера. На секунду мне
захотелось просто забрать её тарелку, поставить перед ней
чашку настоя, приказать лечь спать и закрыть весь мир сна-
ружи.

К сожалению, мир не подчинялся моим разумным распо-
ряжениям.

— Я не голодна, — ответила она.

— Это не аргумент.

Лилит подняла палец.

— Я говорю ей то же самое, когда она отказывается от
пирожных, но меня никто не слушает. В этой семье явная
дискриминация по уровню серьёзности лица.

— Потому что ты используешь пирожные как медицин-
скую систему, — сказала я.

— И где минусы?

Мара слабо улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

Я заметила.

Рейна тоже.

Тётя сидела рядом с нами, пила травяной чай и выгляде-
ла так, будто за ночь поспала не больше часа. На ней было
тёмное платье, волосы собраны низко на затылке, лицо спо-
койное. Слишком спокойное. Я слишком хорошо знала это
выражение. Так она смотрела, когда не хотела, чтобы мы за-

метили, насколько ей страшно.

Дамиан и Эвелин присоединились к нам через несколько минут.

Эвелин появилась первой — светлая, мягкая, с влажными после умывания волосами и чашкой кофе в руках. Она сразу села рядом с Марой, не задавая лишних вопросов, просто поставила перед ней маленькую тарелку с медовой булочкой.

— Это не завтрак, — сказала Мара.

— Это моральная поддержка в форме выпечки.

— Я не просила.

— Я знаю. Поэтому и принесла.

Мара посмотрела на неё так, будто собиралась сказать что-то колкое.

Не сказала.

Просто отломилась маленький кусочек.

Я почувствовала, как внутри немного отпустило.

Совсем немного.

Дамиан сел рядом со мной. От него пахло холодной водой, травами и чем-то древесным — возможно, мазями из лечебного крыла, где он успел побывать ещё до завтрака. Волосы были собраны в небрежный хвост, на запястьях привычно звенели деревянные и кожаные браслеты.

— Ты выглядишь так, будто уже успел поработать, — сказала я.

— Осмотрел раненого дозорного.

Я отложила нож.

— И?

Дамиан посмотрел на свою чашку.

Его пальцы на мгновение сжались вокруг керамики.

— Он жив. Пока. Повреждения странные. Не только физические. Магия будто выжжена изнутри, но не огнём.

За столом стало тише.

Даже Лилит перестала жаловаться на утро.

— Теневые? — спросила Мара.

— Похоже, — сказал Дамиан. — Но я не видел ничего подобного раньше.

Это сказал один из сильнейших целителей нашего поколения.

И это не понравилось мне гораздо сильнее, чем если бы те же слова произнёс кто-то другой.

— Ты спал? — спросила я.

Дамиан поднял на меня глаза.

Тёплые.

Спокойные.

Слишком усталые для такого раннего утра.

— Немного.

— Это не ответ.

— Это ответ, который позволяет избежать лекции.

— Плохо позволяет.

Лилит оживилась.

— О, Ас сейчас будет читать кому-то лекцию о сне. Обожаю, когда лицемерие надевает строгий свитер.

Я медленно повернулась к ней.

— Лилит.

— Я говорю это с любовью.

— Когда я говорю тебе лечь спать, я делаю это потому, что ты потом взрываешь кухни.

— Один раз.

Мы все посмотрели на неё.

— Несколько раз, — поправилась она. — Но эмоционально это был один длинный эпизод.

Дамиан тихо усмехнулся.

И я поймала себя на том, что мне стало легче от этого звука.

Не нужно было.

Не время.

Не место.

Но рядом с Дамианом всегда становилось чуть спокойнее. Он не давил заботой. Не пытался решать за меня. Просто присутствовал так, будто если я на секунду перестану держать всё сама, мир не рухнет.

Опасное ощущение.

К нему легко привыкнуть.

А привыкать к опоре — роскошь, которую я себе не позволяла.

К восьми мы были в зале Совета.

Разумеется, не все были готовы.

Разумеется, многие опоздали.

Разумеется, человек, ради которого нас подняли в такую неприличную рань, сам не явился вовремя.

Я смотрела на часы.

Потом на двери.

Потом снова на часы.

Стрелка двигалась с издевательской точностью.

Восемь пятнадцать.

Восемь двадцать.

Восемь двадцать семь.

Я сидела ровно, сложив руки на коленях, и чувствовала, как внутри поднимается раздражение.

Пунктуальность важна.

Пунктуальность — это уважение к чужому времени, к обстоятельствам, к масштабу происходящего. Если весь Совет Ложи собирают ради историка, который якобы знает о Теневых всё, этот историк обязан явиться вовремя. Особенно если речь идёт о жизни людей.

— У тебя глаз дёргается, — прошептала Лилит.

— У меня не дёргается глаз.

— Ас, я сижу рядом. Он определённо размышляет о преступлении.

— Не называй меня Ас в зале Совета.

— Я называю тебя так везде. Это часть моего сопротивления системе.

— Твоё сопротивление системе однажды закончится официальным выговором.

— Если выговор будет красиво оформлен, я повешу его в комнате.

Мара сидела по другую сторону от Лилит. Она молчала и время от времени смотрела на центральный помост, будто ожидала увидеть там не историка, а ответ на вопрос, который боялась задать. Эвелин снова держалась рядом с ней. Молча. Умно. Без лишнего давления.

Я была благодарна ей за это.

Даже если не сказала бы вслух.

В зале постепенно нарастало недовольство. Люди шептались, переговаривались, кто-то листал записи, кто-то проверял амулеты. Клео, сидевшая вопреки распределению рядом с Лилит, разбирала какой-то маленький металлический предмет прямо на коленях.

— Это обязательно делать здесь? — спросила я.

— Если я скажу, что это помогает мне думать, ты будешь меньше осуждать?

— Нет.

— Тогда просто да.

Лилит наклонилась к ней.

— Как думаешь, историк будет древним старикашкой с бородой до пояса?

— Надеюсь, — сказала Клео. — Я люблю старикашек с драматичными бородами. Они всегда знают либо правду, либо где спрятаны хорошие печенья.

— Возможно, он принесёт карту, на которой написано:

«Сюда не ходить, здесь смерть».

— Полезная карта.

Я посмотрела на них обеих.

— Мы ждём специалиста по Тeneвым, а не персонажа из дешёвого приключенческого романа.

— Ас, — Лилит повернулась ко мне с неприлично серьёзным лицом, — после вчерашнего вечера мы все персонажи приключенческого романа. Просто у тебя жанр — тревожный документальный очерк.

Дамиан, сидевший рядом со мной, тихо сказал:

— Она права.

Я повернулась к нему.

— Ты сейчас поддержал Лилит?

— Я поддержал точность формулировки.

— Предательство от тебя ощущается особенно обидно.

Он чуть улыбнулся.

— Запомню.

Мне не понравилось, как быстро эта улыбка согрела что-то внутри.

Очень не понравилось.

Я отвела взгляд к дверям.

Восемь тридцать две.

— Это уже не задержка, — сказала я. — Это неуважение.

— Или эффектное появление, — заметила Лилит.

— Эффектные появления подходят артистам, а не историкам, приглашённым на экстренный инструктаж.

— Ты просто не умеешь наслаждаться драматургией.

— Я умею наслаждаться порядком.

— Именно это я и сказала.

Двери нижнего входа наконец открылись.

Зал стих не сразу.

Сначала люди просто повернули головы.

Потом кто-то перестал шептаться.

Потом тишина начала расходиться по рядам, как круги по воде.

Я приготовилась увидеть старика.

Возможно, сухого, седого, с тростью, толстой папкой, очками на кончике носа и выражением человека, который будет говорить слишком долго и слишком мало по существу.

Вместо этого в зал вошёл мужчина лет тридцати пяти.

Максимум.

Высокий.

Гибкий.

Хищно спокойный.

Не массивный, как боевой маг. Скорее собранный, как фехтовальщик, который знает, что победа часто зависит не от силы удара, а от точности движения. На нём было тёмное пальто, влажное от дождя по плечам, простая рубашка без излишней торжественности и перчатки из тонкой кожи. Золотисто-каштановые волосы были растрёпаны так, будто ему было абсолютно плевать на внешний вид.

Что, к сожалению, не мешало ему выглядеть безупречно.

Но больше всего раздражали глаза.

Серо-золотые.

Необычные.

Слишком внимательные.

Он осмотрел зал с лёгкой, почти незаметной улыбкой, словно уже знал не только наши имена, но и то, кто из нас каким образом будет отрицать очевидное.

Я сразу решила, что он мне не нравится.

Это было рациональное решение.

Основанное на внешних признаках высокомерия, опоздании на тридцать две минуты и совершенно недопустимом уровне спокойствия для человека, вошедшего в зал, полный раздражённых ведьм, магов и Верховного Магистра.

Магнус стоял у помоста.

Выглядел он, как обычно, собранно и опасно недовольно — подозреваю, это было его базовое выражение лица.

— Доктор Лисандр, — сказал он.

Мужчина остановился у центрального круга и чуть склонил голову.

— Верховный Магистр.

Голос у него был спокойный.

Низкий.

С лёгкой насмешкой на краю, будто даже титул Магнуса не мог заставить его относиться к происходящему совсем уж серьёзно.

— Вы опоздали, — сказал Магнус.

Я внутренне кивнула.

Наконец-то кто-то озвучил очевидное.

Лисандр посмотрел на часы над верхней галереей.

— На тридцать две минуты.

Я выпрямилась.

— Он ещё и знает, — прошептала я.

Лилит наклонилась ко мне.

— Ас, кажется, у тебя появился естественный враг.

— Я не веду войн с незнакомыми людьми из-за пунктуальности.

— Ты буквально сейчас начала.

Лисандр тем временем перевёл взгляд на Магнуса.

— Сначала обвал на восточном склоне, потом проверка трёх контуров допуска, потом один страж решил, что моя сумка выглядит подозрительно.

— И?

— Он был прав.

По залу прошёл слабый, неуверенный смешок.

Магнус не улыбнулся.

Разумеется.

Но пауза стала чуть менее ледяной.

Лисандр поднял руку, и на мгновение воздух возле его пальцев дрогнул. Не вспыхнул. Не заискрился. Просто словно открылся тонкий невидимый шов в пространстве. Из него появилась кожаная сумка, которую он спокойно перекинул через плечо.

Я замерла.

Магия перехода.

Не портал в привычном смысле.

Что-то другое.

Более точное.

Более старое.

Магнус смотрел на него с выражением человека, который заранее знал об этой способности и всё равно не одобрял её публичное применение.

— В следующий раз предупреждайте охрану, что ваши вещи любят самостоятельные прогулки, — сказал он.

— В следующий раз охрана пусть не трогает вещи, которые явно не хотят быть тронутыми.

Лилит тихо прошептала:

— Он мне нравится.

— Конечно, нравится, — ответила я. — Он такой же невозможный.

Лисандр повернул голову.

Прямо в нашу сторону.

Я резко замолчала.

Он не мог услышать.

Расстояние было слишком большим. В зале шумели десятки людей. Лилит говорила почти беззвучно.

Но он посмотрел именно на нас.

Сначала на Лилит.

Потом на Мару.

Затем на меня.

И улыбнулся.

Не широко.

Не тепло.

Так, будто в моей реакции было что-то предсказуемое и потому забавное.

У меня неприятно сжались пальцы.

Я не любила, когда меня читали.

Особенно без разрешения.

— Доброе утро, — сказал Лисандр, обращаясь уже ко всему залу. — Хотя, судя по лицам, слово «доброе» здесь спорное.

Клео восхищённо выдохнула:

— О, он выжил после первой фразы. Уже впечатляет.

Магнус жестом указал на помост.

— Начинайте, доктор.

Лисандр поднялся в центр круга так непринуждённо, словно делал это не впервые. Словно залы Совета, древние купола, главы кланов и раздражённые Магистры были просто частью привычного интерьера.

И это раздражало меня ещё сильнее.

Потому что люди, которые слишком спокойно чувствуют себя в опасных местах, либо глупцы, либо знают больше остальных.

А Лисандр не выглядел глупцом.

Совсем.

— Меня зовут Лисандр, — сказал он. — Историк, исследователь пограничных культур, специалист по Теневой стороне, запрещённым хроникам Первой Войны и неудобным версиям событий, которые обычно не любят включать в учебники.

— Скромно, — прошептала Лилит.

— Зато информативно, — ответила Клео.

Лисандр продолжил:

— Верховный Магистр попросил меня изложить всё, что может помочь вам выжить при возможном контакте с Теневыми. Поэтому начну с главного. Если вы ждёте рассказа о чудовищах, которые ползают в темноте, едят детей и боятся света свечей, мне жаль портить вам фольклор, но вы слишком долго читали плохие сказки.

Зал напрягся.

Я тоже.

— Теневые не животные, — сказал он. — Не демоны. Не призраки. Не болезнь. Они разумны. Организованны. Древни. И опасны именно потому, что слишком похожи на нас.

Тишина стала глубже.

Я почувствовала, как земля под ногами отозвалась слабой вибрацией.

Не моей магией.

Скорее реакцией зала.

Или моей собственной, которую я слишком хорошо контролировала, чтобы она вырвалась наружу.

— Их магия отличается от ведьмовской, — продолжил Лисандр. — Мы берём силу из дара, крови, Узлов мира, обетов и стихийных или клановых линий. Теневая магия питается иначе. Эмоциями. Памятью. Желанием. Страхом. Чем сильнее внутренний импульс, тем опаснее проявление.

Я автоматически потянулась к блокноту.

Дамиан рядом чуть сдвинулся, освобождая мне место для записей, хотя я ещё ничего не попросила.

Я бросила на него короткий взгляд.

Он смотрел на Лисандра.

Серьёзно.

Сосредоточенно.

Но пальцы его снова коснулись браслета.

Я открыла блокнот.

Лисандр говорил спокойно, почти лениво, но каждое слово ложилось точно. Без лишней театральности. Без попытки напугать. Именно поэтому становилось страшнее.

— Теневой может усилить ваш страх, если он уже есть. Раздуть гнев. Зацепиться за чувство вины. Превратить желание в одержимость. Не из воздуха. Из того, что вы сами носите внутри. Поэтому первый совет прост: не лгите себе рядом с ними. Они всё равно найдут правду быстрее.

Я перестала писать.

Мара тоже застыла.

Лилит, как ни странно, не пошутила.

— Зафиксируйте это, — сказал Магнус, глядя на зал. —

Ментальные щиты обязательны для всех групп, выходящих за пределы Ложи.

— Ментальные щиты полезны, — согласился Лисандр. — Но не абсолютны. Особенно если человек считает щит заменой самопознанию.

Несколько голов повернулись к Магнусу.

Очень осторожно.

Я едва не усмехнулась.

Лисандр только что очень вежливо ударил Верховного Магистра его же оружием.

Магнус не изменился в лице.

Но воздух между ними стал тоньше.

Острее.

— Продолжайте, — сказал он.

— С удовольствием.

Вот теперь я была уверена.

Они либо уже ненавидели друг друга, либо слишком давно были знакомы.

В обоих случаях это обещало быть интересно.

Лисандр сделал движение рукой, и над помостом возникла новая проекция. Не такая чёткая, как у Магнуса. Более туманная. Словно сотканная из теней, золотистой пыли и обрывков старых карт.

На ней проступила Северная Стена.

Но не так, как вчера.

Не схема.

Образ.

Горы. Предел. Разлом света и тени, уходящий к небу. Серебристые прожилки в барьере, похожие на молнии, застывшие внутри льда.

У меня перехватило дыхание.

Не от красоты.

От неправильности.

Даже в проекции Стена выглядела как рана.

— Северная Стена, — сказал Лисандр. — Не камень. Не просто барьер. Магический договор, наложенный на ткань мира после Первой Войны. Её задача — разделять. Не только удерживать Теневых по одну сторону. Разделять две несовместимые реальности, которые при соприкосновении начинают искажать друг друга.

Я записала: разделение, а не только защита.

Рядом Дамиан тихо произнёс:

— Это объясняет повреждения дозорного.

Я повернулась к нему.

— Что именно?

— Если на него воздействовала не просто атака, а искажение реальности, магия могла выгореть не от удара, а от попытки тела удержать собственную структуру.

Эта мысль была ужасной.

И логичной.

Что делало её ещё хуже.

Лисандр посмотрел в нашу сторону.

Опять.

— Верно, целитель Арден.

Дамиан слегка нахмурился.

— Вы слышали?

— У меня хорошая привычка слушать важное.

— А неважное? — не удержалась Лилит.

Лисандр перевёл на неё взгляд.

— Неважное обычно говорит громче.

Лилит открыла рот.

Закрыла.

Потом повернулась ко мне.

— Он меня оскорбил?

— Скорее классифицировал.

— Неприятный человек.

— Ты только что сказала, что он тебе нравится.

— Мои чувства сложны.

Я снова посмотрела на Лисандра.

Он улыбался.

Словно слышал всё.

Словно точно знал, кто из нас как отреагирует.

Словно этот зал, эта история, эти страхи были для него давно прочитанной книгой.

Ненавижу людей, которые выглядят так, будто знают финал.

Особенно если я сама ещё не дочитала первую главу.

Лисандр повернулся к залу.

— Если Стена действительно повреждена, опасность не ограничивается физическим проникновением Теневых. Через брешь может просачиваться влияние. Сны. Голоса. Искажения эмоций. Вспышки чужой магии. Аномальное поведение артефактов. Сбои в местах силы.

Мара медленно опустила взгляд.

Лилит перестала двигаться.

Я подумала о светящемся лунном жасмине.

О дыме из её сумки.

О серых лилиях в канале Ложи.

И мне очень не понравилось, как быстро отдельные детали начали складываться в систему.

Система была моей территорией.

И сейчас она говорила: всё связано.

— Каменный мост? — спросила я.

Вопрос вырвался сам.

Тише, чем мне хотелось бы.

Но зал Совета умел возвращать голоса к центру.

Лисандр посмотрел на меня.

Внимательно.

Серо-золотые глаза на секунду стали почти янтарными.

— Что именно с Каменным мостом?

Я почувствовала, как на нас обратили внимание.

Прекрасно.

Идеальный способ провести утро: публично привлечь интерес странного историка, который опоздал на тридцать две

минуты и смотрел так, будто видел чужие секреты через кожу.

Я выпрямилась.

— Магнус вчера упоминал аномалию у Каменного моста. Там проходят древние линии. Если Стена связана с Узлом под Ложей и линиями под Алетрой, сбой мог отозваться именно там.

Лисандр несколько секунд молчал.

Потом улыбнулся.

— Разумное предположение.

— Я не предполагала. Я задавала вопрос.

— Ещё лучше.

Я сузила глаза.

— Вы всегда отвечаете так, чтобы раздражать собеседника?

— Нет. Сегодня я сдержан.

Лилит тихо прошептала:

— О, Ас, он точно твой естественный враг.

Я не посмотрела на неё.

Потому что Лисандр всё ещё смотрел на меня.

И это было неприятно.

Не потому что он давил.

Он как раз не давил. Не угрожал. Не пытался показать силу.

Он просто видел.

Слишком много.

Слишком спокойно.

И впервые за долгое время мне захотелось не отвернуться, а понять, что именно он скрывает.

Опасное желание.

Для меня особенно.

Потому что я всегда начинала с «понять».

А заканчивала тем, что ввязывалась в чужие тайны по локоть.

Магнус вмешался:

— Аномалии у Каменного моста, Старого рынка и правого берега будут рассмотрены отдельно после заседания.

Лисандр не отвёл от меня взгляда ещё секунду.

Потом повернулся к Магнусу.

— Разумеется. Нельзя же позволить полезному вопросу нарушить расписание.

Я услышала, как Клео подавилась смешком.

У Магнуса на лице не дрогнул ни один мускул.

— Расписание существует, чтобы кризис не стал хаосом.

— А хаос иногда сообщает то, что порядок предпочёл бы не замечать.

Лилит приложила ладонь к груди.

— Я чувствую себя представленной на официальном уровне.

— Тебе не нужно официальное представительство хаоса,

— сказала я. — Ты и так его передвижной филиал.

— Очень грубо, но справедливо.

Лисандр продолжил лекцию, но я уже слушала иначе.

Он говорил о Пределе — полосе земли между Ложей и Стеной, где магия становится нестабильной. О дозорных башнях, старых обелисках, сигнальных столбах, которые реагируют на приближение Теневых. О том, что порталы там открываются с ошибками, время может растягиваться, а тени от людей иногда падают не туда, куда должны.

Он говорил о Теневых без ненависти.

Вот что было самым странным.

Не как о чудовищах.

Не как о сказочном зле.

А как о цивилизации.

Опасной.

Иной.

Но разумной.

— Главная ошибка, которую вы можете совершить, — сказал Лисандр, — это считать Теневого простым врагом. Враг предсказуем. Он хочет победить. Убить. Захватить. Теневые сложнее. Они могут ненавидеть вас, потому что их так учили. Могут завидовать вам. Могут считать вас тюремщиками. Могут испытывать любопытство. Могут даже говорить правду, если это выгоднее лжи.

— Утешительно, — пробормотала Лилит.

— Зато полезно, — сказал Дамиан.

Я посмотрела на него.

— Ты ему веришь?

Дамиан ответил не сразу.

— Я верю, что он знает больше, чем говорит.

— Это не одно и то же.

— Нет.

Я снова посмотрела на Лисандра.

Он стоял в центре зала, в туманном свете своей проекции, с растрёпанными волосами и этой невозможной спокойной улыбкой. Казалось, его совершенно не волнует, верит ли ему зал. Он не убеждал.

Он выкладывал факты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.